

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий БОЛЬШАКОВ

ЧЕТЫРЕ ТАНКИСТА

От Днепра до Атлантики

Военно-историческая фантастика

Валерий Большаков

**Четыре танкиста. От
Днепра до Атлантики**

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Большаков В. П.

Четыре танкиста. От Днепра до Атлантики / В. П. Большаков —
«Махров», 2017 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-699-98217-2

Продолжение бестселлера «Танкист № 1. Бей фашистов!». Из «Т-72» — в «Т-34», из 2015 года — в 1941-й. Капитан Репнин сгорел в танке под Дебальцево, а ожил в теле Дмитрия Лавриненко, советского танкового аса, танкиста № 1. Переселение душ? Перемещение сознания? Не важно! Главное — не посрамить славы великого предка, не поступиться честью. Бить фашистов! Когда счет подбитых немецких панцеров перевалит за двести штук, когда плечи украсят золотые двухпросветные погоны, когда распишешься на Рейхстаге — можно будет немного передохнуть. Но вскоре от командования поступит новый приказ: идти до Атлантики!

УДК 821.161.1-312-9

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-98217-2

© Большаков В. П., 2017

© Махров, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерий Большаков
Четыре танкиста
От Днепра до Атлантики

Серия «Военно-историческая фантастика»

© Большаков В. П., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава 1

Комбриг

1

*Харьковская область, село Одноробовка.
7 августа 1943 года*

Танкисты 1-й гвардейской бригады вышли к железнодорожным станциям Одноробовка и Александровка глубокой ночью.

Репнин не стал спешить с атакой, решил дожидаться утра.

Вылезая на остывавшую броню «Т-43», он втянул прохладный воздух. Как хорошо пахнет ночью гречиха! Кажется, что от ее белых цветов в темноте виднее.

Геннадий присел, откидываясь на башню – металл приятно грел спину. Осторожно поерзав, оберегая хоть и зажившие, но больно уж свежие раны, он сдвинул танкошлем на затылок, устраивая голову на покатою броне. Удобно. Только твердо.

Пройдет еще чуть больше месяца, и исполнится ровно два года, как он здесь, в прошлом. Сколько уж передумано за это время, каких только версий не измышлено!

Взять хотя бы это самое местоимение – он. Кто – он?

Геннадий Эдуардович Репнин? Так этот гражданин сторел в танке под Дебальцево. В 2015-м, семьдесят лет тому вперед.

И непонятно, что же от него осталось – душа? Сознание? Что?

Какая такая субстанция перенеслась через время, чтобы вселиться в другое тело, в другую голову, в Дмитрия Федоровича Лавриненко?

Репнин был атеистом и не верил в бессмертную душу, ему было «против шерсти» сознавать произошедшее с ним чудом, но и эта версия имела право на существование.

Первые месяцы его преследовало ощущение дискомфорта, было неприятно ощущать чужие зубы, чужое небо. Дышать чужим носом. Извините, писать, придерживая не свои муде.

Наверное, понять его сможет человек, скажем, старый ученый, чей мозг пересадят в тело молодого кретина, пустившего себе пулю в висок из-за неразделенной любви.

Правда, старик, вернувший себе молодость таким путем, вряд ли будет страдать излишней брезгливостью, ведь к нему вернутся силы и утраченные возможности.

Репнин никогда особо не увлекался выпивкой, но, попав в 41-й, частенько использовал сто грамм, чтобы прополоскать «чужой» рот.

Это долго преследовало его, а потом незаметно сошло на нет. Он просто привык к своему новому телу. Кстати, более молодому, чем старое. Ну, не то чтобы совсем уж старое, но капитану Репнину было за сорок, а Лавриненко – около тридцати.

С другой стороны, эта его озабоченность из-за «вселения» в иную плоть здорово помогла удерживать в норме психику. Война шла жестокая и страшная.

Геша видел то, что когда-то мелькало в кино «про войну», но куда чаще его глазам представало другое, чего по телику не углядишь – грязная изнанка победы, ее гной, ее кровь и сукровица.

Порой Репнин задумывался, куда, в какие пространства, времена и миры перенеслась душа самого Лавриненко. Не дай бог, в его выморочное тело!

Геша прекрасно помнил ту боль, тот страх, что рвали его в башне «Т-72», когда горел танк. Хотелось надеяться, что экипаж выжил-таки.

¹ Использованы материалы генерал-майора И. А. Вовченко.

Выздоровливать обгоревшим, с кожей, превратившейся в черную корку, – это мучение, долгое, просто нескончаемое, но боль, пускай через месяцы, все равно проходит, и ты радуешься простейшим вещам – теплу, ветру, воде, дыханию – еще сильнее, чем прежде.

Интересно, что подумает Лавриненко, перенесясь в будущее?

Коммунизма там точно нет. Социализма, впрочем, тоже.

Зато есть капитализм – кондовый, полууголовный. Мещанский строй. Вот кому надо будет психику беречь!

Эпоха Сталина – это не мрачное кровавое Средневековье, это весна истории. Грязная, голая, но готовящая цветение.

У людей есть вера и надежда, мечты и ожидания. Расскажи кому из них, что все их труды, все утраты пойдут прахом, что и партию развалят, и СССР распадется – не поверят же, посмотрят неодобрительно, разговаривать перестанут с «пораженцем»...

Репнин усмехнулся. Кто знает, может, его для того и закинуло сюда, чтобы изменить мировые линии, уберечь государство рабочих и крестьян от крушения?

Ладно, вздохнул Геша, хватит мечтать...

Спрыгнув в густую, росистую гречиху, он прислушался.

Тишина...

Конечно, не сказать, что природа и люди играли в молчанку. Вон, где-то палят немецкие пулеметчики, с ночного неба донесся гул самолета. Но что значат эти приглушенные, не рвущие слух звуки после неумолчного грохота Курской битвы!

Рев моторов, залпы пушек, лязг и скрежет раздираемого железа, людские крики, мат и вой – все это мешалось и гремело над степью, подавляя и угнетая.

После разгрома под Прохоровкой немцы отступили, но до победы было еще далеко.

Пока Репнин валялся в госпитале, 1 гвардейская танковая отдыхала и набиралась сил, а второго августа, пополнившись новой бронетехникой, в авангарде 3-го мехкорпуса перешла в наступление на позиции вермахта.

Начиналась Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция «Румянцев».

Рано утром третьего августа танкисты бригады вошли в прорыв на фронте в восемнадцать километров и выдвинулись к Золочеву, райцентру, одному из опорных пунктов немецкой обороны на северо-западе от Харькова.

Сразу же за Золочевым начиналась сеть оборонительных укреплений врага – линий траншей полного профиля, дотов и дзотов, артиллерийских и пулеметных позиций, колючей проволоки в несколько рядов и заграждений из спирали Бруно, вкопанных танков и минных полей.

У гитлеровцев был пристрелян каждый куст или дерево, каждый холмик и каждый овраг. Секторы обстрела перекрывали друг друга, создавая практически сплошную зону поражения.

Но танки Катукова шли вперед.

Гвардейцы штурмовали и атаковали, громили колонны немецких танков и грузовиков, но и фрицы сопротивлялись бешено, подключая артиллерию и авиацию.

А шестого августа Репнина выписали, и он на попутках добрался до 1-й гвардейской. Геннадий усмехнулся, глянув на часы – минули ровно сутки, как он вступил в командование бригадой.

Ну-ну, посмотрим, какой из тебя комбриг...

Репнин не стал заходить далеко в шелестящие злаки – промокнешь, роса обильная.

Он прислушался – глухо доносился разговор мехвода с радистом. Потом очень ясно и четко послышался металлический лязг – кто-то выбрался из танка.

– Ты, Санька?

– Я! – откликнулся Федотов. – А то там дышать нечем.

– Сейчас надышишься... Сбегай, позови наших комбатов. И комполка скажи, чтобы шел.

– Есть!

Башнер прыгнул и затопотал в ночь. Репнин поглядел ему вслед. Из рядовых Федотов уже вышел в сержанты, чем очень гордился, но куда больше позитива он испытывал от перевода в башнеры. У Сашки были способности стрелка, поэтому в наводчиках ему самое место. Хотя и стрелял он похуже, чем сам Репнин, тем не менее Федотову этого было достаточно, чтобы свысока посматривать на Борзых, пересевшего на его место заряжающего.

Белобрысый, курносый, скуластый, башнер был типичным русаком, солью земли. В любые времена такие, как он, вставали по первому зову, едва какая орда нападала на родную землю.

Ленивый, не дурак выпить, хвастун, Федотов был верным и стойким. Скажешь такому: «Стоять насмерть!», и выстоит. Погибнет, но не сдастся.

Репнин прислушался. В танке продолжали бубнить – это старшина Бедный наставлял старшего сержанта Борзых. Или у них опять спор. О-о... Это надолго. Сцепились старый и малый...

– Товарищ подполковник!

– Здесь я, у танка. Ты, Илюха?

– Я!

Из темноты показался Илья Полянский, и Репнин крепко пожал ему руку.

Вскоре подтянулись остальные «товарищи командиры». Последним явился майор Кочетков, начальствующий над моторизованным батальоном.

В последние дни он взорлил – его мотострелков пересадили на бронетранспортеры Б-4, появившиеся от скрещивания грузовика «ЗИС-15» и легкого танка «Т-70», и на ТНПП – танки непосредственной поддержки пехоты, переделанные из «Т-80». Почти семьдесят бронемашин! Это было дорого, но эффективно – пехота обрела мобильность, а заодно какую-никакую защиту.

Да и что значит – дорого? Жизни дороже.

Майор выступил первым.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – бодро обратился он к Репнину. – А, может, пока темно, и выступим? А? По приборам ночного видения? Мои поддержат!

– А на кого ты собрался выступать? – проворчал майор Козелков, командир 4-го танкового полка. – Ни «Пантер», ни «Тигров» там нет, просто каждый дом превратили в укрепление, в дот или дзот.

– Ночью надо спать, – усмехнулся Репнин. – Выступим с утра, часам, думаю, к десяти. Разведка доносит, что приближается большая колонна противника, с сильным боевым охранением. Вот ее-то нам и надо будет встретить. Значит, так. Разобьемся на три группы. Сначала что касается 4-го танкового полка. Десять танков 1-го батальона Заскалько занимают Александровку. Десятка из 2-го батальона Полянского обходит Однорововку. Твоя задача, комбат, будет такая – двигать на юг, перерезать дорогу и выйти вражеской колонне в тыл.

– Есть, товарищ подполковник! Ударим с тыла, – кивнул Илья.

– Теперь ты, Леня. Карта есть?

Капитан Лехман достал из планшета и развернул карту на броне танка. Филатов залез наверх и стал подсвечивать фонариком.

– Смотри. Вот здесь яр, глубокий, он огибает луг. Двигаешься по нему и выходишь к дороге с запада.

Лехман кивнул.

– Есть атаковать с запада! Зайдем от этого леска.

– Давай. А основная группа будет атаковать противника в лоб отсюда. Здесь позиция выгоднее...

* * *

По старой солдатской привычке Репнин залег, как только все приказы были отданы, а «фигуры расставлены».

Залег прямо на броне, сложив брезент над дизелем, от которого шло тепло. Ватник под голову – вот тебе и подушка.

Стащил сапоги и поставил рядом, развесив на голенищах портянки, ослабил ремень и лег, закинув руки за голову.

Сердце билось ровно, а вот и мысли потекли спокойно, без спешки. Геннадий давно уже относился к происходящему с прохладцей врача или исследователя. Шла война, но особо сильных эмоций эта мировая бойня не вызывала.

Репнин не испытывал ненависти к врагу. Правильно сказали однажды братья Стругацкие (скажут!): «Ненависть – это перегной страха». Фашисты – опасный, сильный, умелый противник. Слава тем, кто сумеет их одолеть. Но ненавидеть зачем?

Ярость – это да, она помогает в бою, концентрирует злость, горячит кровь, помогает уничтожать врага. Но еще лучше – холодное, ледяное спокойствие, когда ты собран и расчетлив, не отвлекаешься на всякие глупости, вроде скрежета зубового, а превращаешься в этакую машину для убийства, срастаешься с танком в механического кентавра...

Геша вздохнул. Поглядел на мерцавшие звезды, послушал далекую канонаду и закрыл глаза. Впереди у 1-й танковой армии большой, долгий путь. Первым делом надо Украину освободить.

Репнин поморщился. Не хотелось ему этого, не лежала душа.

Нет, он понимал, что «евромайдан», «бандерлоги», «добробатовцы», «правосеки», все это фашиствующее дерьмо зальет, завоняет Украину лет через шестьдесят, да и то – не факт. Но все равно, неприятно было. И кто сказал, что нынешняя УССР не приемлет будущих лозунгов, вроде «Москаляку на гиляку!»?

Гешу как-то (в будущем, которое ныне стало для него прошлым) неприятно поразила одна старая фотография. На ней был изображен немец в форме, раздававший флажки со свастиками. Раздававший детям, какой-то киевлянке, а та вручила флажок малолетнему сыну...

Это было сущее непотребство, но ведь оно было!

Закряхтев, Репнин перевернулся на бок. Хватит про политику!

Поерзав, он вызвал воспоминание о Наташе. О том, как она улыбается. Как она раздевается... Как дразняще изгибает бедро и ладонями поднимает груди...

Не досмотрев пленительные картинки, Геша уснул.

Из воспоминаний капитана Н. Орлова:

«...С Валея я подружился и частенько бывал в гостях. А поскольку на Дону уже шли тяжелые бои, а это уже совсем близко от Сталинграда, Валины родители мне задали резонный вопрос: «Коленька, как ты думаешь, нам эвакуироваться или нет? Вот, предлагают...»

А я дурак... надо же себя героем перед девушкой показать!

– Да вы что! Да мы разобьем врага!

И вроде убедил их не эвакуироваться. А немцы нанесли удар по Сталинграду на завтрашний день, 23, в воскресенье!

А 24 или 25 наметилось небольшое затишье. Мы как раз захватили Рынок. Я расставлял танки в обороне, и мне вдруг ударило в голову...

Вот до сих пор не могу понять, что за чувство такое? Абсолютно спонтанно, внезапно, словно кто меня толкнул, какой-то щелчок – сесть на танк и рвануть в город. Крикнул механику-водителю Семенову:

– Заводи!

– Куда?

– Вперед! Пошел! В сторону Тракторного!

Он сперва подумал, что мы в штаб батальона, который стоял на заводе. Но когда мы подъехали к Тракторному, я погнал его дальше, по Ленинскому проспекту, прямо в центр города. Я толкал его в спину: «Вперед, вперед!» Он гонит, не поймет куда. А у меня в глазах стоит их маленький деревянный домик с палисадником. И вишенки, яблоньки там...

Кричу механику: «Скорость, скорость, скорость!» Все кругом продолжает гореть. Даже телеграфные столбы горят, трамваи горят. Дорога разбита, завалена трупами, обломками... и он виртуозно жмет по ней. Это был классный водитель. Приближаемся к домику, и я уже заранее вижу, что домика-то нет! Когда я уже вплотную совсем подъехал... там яма огромная, все сгорело вокруг, и старушка из соседнего дома рядом стоит...

Я эту бабку знал, и она меня знала. Говорит мне:

– Коленька, родненький, всех до одного! Как раз приехал хозяин обедать. Бомба прямо в дом попала... А я нечаянно полезла в погреб, достать крынку, да там и осталась...»

Глава 2

Черные дьяволы

Харьковская область, с. Одноробовка.

8 августа 1943 года

Поспать удалось аж шесть часов, что для передовой – настоящая роскошь.

Позавтракав кашей с тушенкой, Репнин тяжеломерно запрыгнул на броню новенького танка «Т-43», выделявшегося большой антенной. Еще вчера его отличал инфракрасный прожектор-осветитель, торчавший на командирской башенке (дабы подсвечивать местность на двести метров для приборов ночного видения), но хозяйственный мехвод снял хрупкое устройство, чтобы его не расколотили осколки.

Не намечено ночной операции? Не намечено. Стало быть, незачем рисковать ценной вещью. «А то на вас не напасешься...»

Надпись на командирском танке сделали ту же, что украшала его предшественника: «Бей фашистов!», а вот номер на башне стоял другой – «102». Такой же, как у «четырех танкистов и собаки».

Правда, никому подобная аналогия и в голову прийти не могла – Януш Пшимановский напишет об экипаже танка «Рыжий» аж двадцать лет спустя. Один лишь Репнин помнил черно-белый сериал о приключениях храбрых танкистов и почти что разумного Шарика. Правда, смотрел он его по записи, через комп.

Репнин усмехнулся. Комп... Далеко еще до компа. Хотя...

В известной ему реальности именно советские ЭВМ были впереди планеты всей. Если бы кибернетику не прозвали «продажной девкой империализма», Биллу Гейтсу ничего бы не светило.

И не засветит. Геннадий хмыкнул – уж он постарается...

Если выживет. Ну, тут уж... На войне как на войне.

...Немцы показались в начале десятого. Длиннущая колонна вилась по дороге, и казалось, конца ей не будет.

– Идут зольдатики...

Оптика в командирской башне стояла хорошая, Репнину были видны и танки, «четверки» в основном, хотя и «Пантер» хватало. И пехота присутствовала в кузовах «Опелей», и артиллерия тащилась за тягачами. Серьезные пушечки – 88 миллиметров. «Ахт-ахт».

– Ваня, что там?

– Танки Полянского вышли на боевой рубеж! – бодро доложил заряжающий-радист.

Когда Репнин командовал «тридцатьчетверкой», Иван Борзых служил радистом-пулеметчиком. На «Т-43» Ване пришлось переучиваться на заряжающего. Но ничего, справляется вроде.

Борзых был идеальным танкистом – невысокий, худенький, он выскальзывал из люка мгновенно, как рыбка из лунки. Немного бестолковый (по младости лет), легкомысленный, разбросанный, Иван очень серьезно относился к своим комсомольским обязанностям. Для него это было святое.

«Буржуй, под стол! Идет комсомол!»

Малость боязливый, Ваня мог и рогом упереться, а уж когда немцы выведут его из себя, то все – страх побоку! Мог и на «Тигр» накинуться, броню голыми руками рвать и пушку в крендель сворачивать...

– Эт-хорошо... – протянул Геша. – Кто там еще, товарищ старший сержант?

– Капитан Лехман готов к атаке! – бодро доложил Борзых.

– Еще лучше. Передай Заскалько: приказываю развернуть танки в линию, выйти из рощи, приблизиться на прямой выстрел и ударить по противнику всеми огневыми средствами.

– Есть! – ответил Борзых.

Танки Лени Лехмана выдвинулись слева от дороги и открыли огонь. Немецкая колонна в один момент смешала свои порядки, но вот уже и артиллеристы кое-где изготовились, и танки выдвинулись.

– Майору Полянскому ввести свои танки в бой!

Могучие «ИСы» атаковали немцев с правого фланга, и те были вынуждены перебросить часть огневых средств на это направление.

Мало-помалу пыль, поднятая бронемашинами и взрывами, поднялась ржим облаком.

А тут и рота Володьки Каландадзе, наступавшая с батальоном Полянского, появилась в тылу противника – танкисты 1-й гвардейской зажали фрицев с трех сторон.

«Пора!» – решил Репнин.

– В атаку!

По сигналу командира, выкатились танки главной группы, наступая вдоль околицы села. Пока «ИСы» долбали немецкие укрепления, «сороктройки» шли огородами.

В перископ было видно, как метались «зольдатики», как пушкарки пытались вести обстрел, но трусили – и бросали орудия, бежали за хаты, за сараи.

И орали: «Шварцен тойфель! Шварцен тойфель!»

В переводе с немецкого – «черные дьяволы». Так немцы называли русских танкистов – многие действительно щеголяли в черных комбинезонах, а те, кто гулял в синих, быстренько «перекрашивались», обтираясь в кругу горюче-смазочных материалов. Но Репнин так и не понял, что немцы имели в виду – только ли цвет комбезов? Может, просто страшно было зольдاتيкам?

Вдруг 102-й, проезжая огородом, провалился в яму, прикрытую бревнами. Ловушка?

– Что за...

Из ямы порскнули в стороны поп в длинной рясе и тетки в длинных юбках – они бежали, махая руками, как крыльями. Прятались?

– Держитесь за пуговицу! – крикнул мехвод.

– При чем тут...

– Попа встретить – к неприятностям! – объяснил примету башнер Федотов.

– Ага! Щаз-з! Немцев мы уже сделали. Нам-то какие неприятности?

Танковые роты проутюжили фрицев, раздолбали и дома – доты, и колонну. Из-за сараев и овинов немцы постреливали из автоматов, но недолго – «ИСы» и «КВ» накрыли окопы, наспех отрытые вдоль околицы. Огнем и гусеницами уничтожили десятки орудий. Расстреляли тягачи и грузовики.

Бойцы бросали в окна гранаты, мочили вражью силу изо всех стволов.

– Шварцен тойфель! – голосили немцы, убегая в беспорядке. – Шварцен тойфель!

Гитлеровцы суетились, беспорядочно стреляя, многие выскакивали из блиндажей, как полоумные, попадая на линию огня.

Какой-то час спустя танки ликвидировали последние очаги сопротивления и вышли в район сбора – к железной дороге.

– Видишь? – крикнул Федотов мехводу. – А ты в приметы веришь! Перешел поп дорогу, а нам все равно везуха!

Порывав, остановился на сборном пункте и 102-й. Репнин открыл люк и полез на свежий воздух. Неожиданно плечо словно кто раскаленным шкворнем проткнул.

Геша схватился за раненую руку – пальцы окрасились кровью.

– Снайпер! – крикнул Борзых. – Вон, с чердака того!

– Заряжай! – рявкнул Саня.

Башня развернулась. Грохнуло орудие, крыша дома напротив будто вспухла и разлетелась облаком дыма, огня и обломков.

– Иваныч, давай в медпункт! – скомандовал Репнин механику-водителю и пошутил натушно: – Прав ты был, а я за пуговицу не подержался!

– Да херня все это, товарищ командир!

Танк подкатил к медпункту, развернутому на станции. Две сестрички быстренько перевязали Гешу.

– Рана чистая, – заверил его военврач, – сквозная.

– Еще и левая, – усмехнулся Репнин. – Спасибо!

Подходя к танку, он услышал, как Бедный в сердцах сказал:

– А все поп проклятый!

Геша заулыбался, несмотря на боль. Михаил Иваныч был старше всех в экипаже, но отеческие чувства отыгрывал лишь на Ваньке с Санькой. Так и звал их подчас: «Санька-Ванька! Подь сюды!» А вот к Репнину испытывал уважение – офицер все-таки, не хрен собачий.

И в этом его пиетете было что-то старинное, из времен, когда давали клятвы на верность, а вассалы преданно служили сюзерену. Ведь тогда все держалось не только на традициях и законах, но и на вере – дружина верила в князя, в то, что боги на его стороне. А, стало быть, служить князю – это лучший способ избежать ран и гибели. А как же! Ежели боги отведут смерть от князя, а ты рядом, то и тебя курносая минует.

Вот и у Иваныча было что-то подобное в его отношении к Репнину. Причем вера Бедного только крепла – ни один другой танкист в СССР не мог похвастаться столькими победами.

Стало быть, что? Стало быть, командир от бога...

* * *

Со стороны кухни, возле которой толпились бойцы, накатывали чарующие запахи мяса и жареного лука. Но аппетит у Гешы пропал.

Наступление, что там не говори, было проведено бестолково, и кто в том виноват, если не комбриг? Атаковали с ходу, среди белого дня... «Уря, уря!» Доурыкались.

Ладно, там, колонну расколошматили. Тут все по делу, как надо. А на хрена было танки слать на село? Без ха-арошей артподготовки? Да и по колонне почему бы огонь не открыть? Конечно, броня крепка и танки наши быстры, но прежде всего головой думать надобно.

А где, спрашивается, наши штурмовики были? Опять-таки, винить «горбатых»² не за что – ты разве вызывал авиацию, товарищ комбриг? У тебя полночи времени было, чтобы и артиллеристов подтянуть, и к летчикам обратиться за подмогой.

Сделал ты это? Нет. Значит, кто ты? Правильно – балбес.

– Товарищ подполковник!

Грузной рысцой подбежал начштаба.

– Приказано ночью взять Валки!

– Раз приказано, значит, будем брать.

Геша не стал дожидаться глубокой ночи. Стемнело – и танки двинулись на штурм. Шли, не особенно газуя, поэтому особого грохота батальоны не издавали. Канонада тоже не раздавалась – в отличие от Одноробовки в Валках могли оставаться мирные жители, да и зачем самим превращать городишко в руины?

Репнин прижал лоб к нарамнику – в свете инфракрасного прожектора все было видно метров на двести вперед. Мехводу этого достаточно, а вот наводчику маловато будет. Однако

² «Горбатыми» – за характерный силуэт – прозывали штурмовики «Ил-2».

ТНПП с большими, по шестьдесят сантиметров в поперечнике, прожекторами так и не поступили в батальоны. Хватило бы и одного «осветителя» на танковый взвод, тогда все было бы видно метров на семьсот-восемьсот вперед. Но чего нет, того нет.

Придется обходиться тем, что есть.

Мотострелки не все имели приборы ночного видения, поэтому путь бронетранспортерам освещали ракетчики – красные ракеты то и дело взрывались в небо, их свет то вспыхивал, то мерк. Описывая гаснущие дуги, ракеты падали в сизоватую пену гречихи.

Урожайный год, однако.

Немцы в Валках пробудились ото сна, забегали, автоматные и пулеметные очереди становились все слышнее, сливаясь в частя. Шипели осветительные ракеты, ухали мины – клубы пыли и дыма подсвечивались зловещим багрянцем.

– Я – Зверобой! Огонь! – приказал Репнин. – Всем танкам открыть огонь! Ванька, осколочно-фугасный!

– Есть осколочно-фугасный! Осколочно-фугасный, готово!

В голосе Борзых чувствовалось изрядное напряжение – снаряд для 107-миллиметрового орудия весил больше пуда.

– Всем вести огонь в движении по выявленным целям! В атаку!

Грохнула пушка, выплевывая горячую гильзу и напуская синей кордитовой воню.

– Бронебойным заряжай! Справа пятнадцать – «тройка». Огонь!

Бабахнуло знатно. Из открывшегося затвора вылетела стреляная гильза, пыхнул сизый пороховой дым – два вентилятора, надрывно воя, вытягивали едкую гарь.

– Шрапнельным заряжай! Вправо двадцать – пулеметная точка.

– Есть, вижу! – отозвался Федотов.

– Огонь!

В обычный перископ Репнин увидел, как в воздухе, словно кометы, пролетали раскаленные болванки.

– Башнер, вправо двадцать – ПТО!

– Есть, вижу! – Санька развернул башню.

– Ваня, первые два снаряда – осколочно-фугасные, остальные – шрапнель.

– Есть! Готово!

– Огонь!

– Есть огонь!

Полчаса спустя Валки были взяты, а несколько колонн немецких грузовиков с продовольствием и боеприпасами мотострелки захватили как ценные трофеи.

Ближе к полуночи все улеглось, и Репнин смог уснуть не в танке, а в брошенной хате. Со всеми удобствами, исключая интим – Наташу Шерemet отослали в Куйбышев на курсы переподготовки...

* * *

Потери вышли минимальными, но вкус победы был здорово подпорчен особистами.

Старшина Николай Капотов, командовавший танковым взводом, вернулся из боя пешком, с перевязанной головой. Весь экипаж его машины был жив и здоров, больше всех пострадал командир – Капотова контузило. А подбитый «Т-43» остался на поле боя.

Этого было достаточно, чтобы до крайности возбудить бригадного комиссара Червина – майора госбезопасности, возглавлявшего Особый отдел 1-й гвардейской.

Червина за глаза прозывали Червининым, хотя тот и не был замечен в подлостях. Майор прошел Гражданскую, воевал на Халхин-Голе и в Испании, а вот на Великой Отечественной

очень уж рьяно взялся за борьбу с трусами, предателями, дезертирами и прочими врагами рабочего класса.

Репнин застал Червина за работой – тот распекал бледного Капотова, едва стоявшего на ногах.

– Вы самый настоящий вредитель! – орал особист. – Вы – пособник фашистов! Как можно было оставить танк?

– Нас подбили, – глухо ответил Николай.

– Так почему вы не подорвали машину, доверенную вам советским народом и государством? Почему бросили танк? Чтобы немцы отремонтировали его и стреляли по вашим товарищам? Под трибунал пойдете! В штрафные роты!

– Прекратить, – холодно сказал Репнин, глядя в бешеные глаза комиссара. – Что-то вы не по делу распалились, товарищ майор. Капотов был контужен и мало что соображал. Ему в госпиталь надо, а не под трибунал!

– А вы не защищайте, комбриг! – отрезал Червин. – Р-распустились! Бросают танки, будто окурки!

– Вы видели брошенный танк? – повысил голос Геннадий. – Машина Капотова горела! И боеукладка взорвалась через пять минут после того, как экипаж покинул танк через люк в днище!

– Башня на месте!

– И что? Значит, крепко сделан! Внутри-то все покурочено! Как еще его нужно было подорвать, по-вашему? Дерьма навалить, чтоб никто не сунулся?

– Хватит на меня орать! – взбеленился Червин.

Коренастый, плотный, черноусый, он вытянулся, как мог, сжимая кулаки. Ноздри раздуваются, губы – в нитку...

– Вы еще меня припомните, товарищ подполковник, – выговорил комиссар лязгающим голосом.

Круто развернулся и пошагал прочь.

Танкисты оживились, запереглядывались. Наша взяла!

А Капотов сомлел, оседать стал – Репнин еле поспел, ухватился за старшину.

– В санбат. Живо!

Гвардейцы всей толпой понесли Капотова к медикам...

* * *

«Сцена из военной жизни» имела неожиданное продолжение.

Нет, Червин не писал рапортов – комиссар заперся у себя и не показывался на людях.

Лейтенант Амосов, уполномоченный Особого отдела, рассказал по секрету, что комиссар здорово напился.

– Да он неплохой мужик, – сказал лейтенант. – Ну, бывает, что перестарается... – Помявшись, он добавил: – Разрешите мне, товарищ подполковник, быть всегда с вами...

– Так вы же и так с нами!

– Да вы не поняли меня... Вместе с вами в бою!

– А как же ваши лазутчики? – прищурился Репнин. – У вас ведь свои задачи.

– Всей душой, товарищ подполковник, я понимаю свою задачу на войне. Ее можно сформулировать двумя словами, которые написаны на башне вашего танка: «Бить фашистов!» Пока что я не вижу среди наших бойцов вражеских лазутчиков. А бездельничать совесть не позволяет. Хочу быть в боях, как Капотов, как все...

В мирное время та патетика, что звучала в словах Амосова, могла бы резануть Геше слух, но на войне все выглядело иначе. Когда люди ходят по лезвию бритвы между жизнью

и смертью, они говорят то, что думают. Их речи между боем вчерашним и боем завтрашним могут отдавать театральностью, но такова уж жизнь на передовой.

– Что ж, лейтенант, – мягко сказал Репнин, – поступайте, как вам подсказывает совесть!

Из воспоминаний капитана Н. Орлова:

«...Это было в 41-м, под Минском – там я встретил своего первого врага. Танк «Т-П» четко просматривался в оптику. До цели было порядка четыреста-пятьсот метров, не больше. И возникла у меня дурацкая мысль, что там же люди! Может быть, другие и по-другому думают, но люди. Они встали перед мостком через ручей, желая, видимо, что-то посмотреть. Один танкист выбрался из танка...

Еще не было уверенности, хотелось убедиться – может быть, это наши. Но когда довел прицел на танк, увидел черную форму и черный крест с проблесками белого на «окраинках», мне стало ясно. Это – враг. Но я ж никогда не стрелял в настоящего врага. Это мой первый выстрел. Кручу колесики наводки, а руки трясутся...

И вдруг я слышу – механик-водитель... я даже имени его не знал. Он был старше меня. Механиков-водителей в учебной части, которым было дай бог за тридцать, мы, мальчишки, считали пожилыми людьми. Так вот, он на меня как закричит:

– Командир, так что же ты? Стреляй! Бога душу...

И чуть ли не матом. Я отжал спуск. Выстрел! Танк дернулся.

– Недолет, мать ети! Выше бери! Стреляй, ну...

Еще выстрел. Гляжу – задымил. Тут уж нельзя было не попасть. У «двойки» противопульная броня, почти как у нашего БТ-7, ее можно с «дегтярева» пробить. Вроде бы еще стрелять, а тут – хлоп! – нам вцепили. Мы из танка вылетели как пробки, но все трое невредимы. Подбитый танк остался на том же месте. Мы пока в себя приходили, на нашу «бэтушку» глянули – та уж догорает...»

Глава 3

Окруженец

Высокополье, Харьковская область.

8 августа 1943 года

7 августа 1-я гвардейская вышла к станции Ковяги, перекрыв дорогу Харьков – Полтава. Бои завязались ожесточеннейшие – немцы бросали против РККА и танки, и артиллерию, и авиацию. Зенитный дивизион майора Афанасенко, буквально на неделе пополнившийся пятью ЗСУ на гусеничном ходу, со спаренными 45-миллиметровыми зенитками, служил бригаде хорошим «зонтиком».

Тем не менее в районе совхоза им. Коминтерна танкисты были вынуждены занять круговую оборону, чтобы удержать занятые позиции. Да, враг был бит, бит не единожды, но оставался все еще сильным, «вооруженным и очень опасным».

Фюрер ни за что не хотел терять Украину и бросил на Харьковский плацдарм свои лучшие эсэсовские танковые дивизии «Великая Германия», «Рейх», «Викинг», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова».

Паршиво, но кроме естественных потерь (хотя что может быть естественного в гибели людей?) бригаду ослабляло и командование корпуса, изъявшего практически весь 1-й танковый батальон – его перебросили в помощь 5-й гвардейской армии генерал-полковника Панфилова.

Батю, как прозывали своего командарма сами панфиловцы, Репнин уважал и потому стерпел «изъятие».

Мотострелки Кочеткова пострадали не слишком, но это утешало мало – основной ударной силой бригады были тяжелые танки, и вот этих самых «тяжеловесов» в 1-й гвардейской маловато осталось.

1-й батальон оказался здорово прорежен «Тиграми» – у кого орудие вышло из строя, у кого ходовку повредило или гусеницы, катки выбило, – а самому комбату, капитану Заскалько, пуля продырявила легкие и вышла под лопаткой. Укатали Павлушу в госпиталь на полгода как минимум.

Бригада шла в авангарде, противостоя целым стадам тяжелых «Тигров» и самоходок «Фердинанд», поэтому тактику лихого натиска Репнин отбросил.

Танки с глушителями, с обрезиненными «гусьняками» могли двигаться тихо, и Геннадий решил в полной мере использовать это преимущество – подкрадываться к «Тиграм», как на охоте. Устраивать засады и выбивать этих бронированных зверей к такой-то матери.

Участок дороги между Валками и селом Высокополье, проложенной по старинному Турецкому валу, удерживался «Тиграми». Вокруг раскинулось ровное кукурузное поле, и только вдали полосой синел лесной массив – урочище Хмелевое.

Выглянув из люка «Т-43», Репнин внимательно огляделся.

Кукуруза была высокой, а «сорокстройки» – приземистыми. Поле в одном месте подходило почти вплотную к дороге, по которой медленно проезжал коробчатый «Т-VI». Иногда он останавливался секунд на несколько, чтобы лучше осмотреть местность, выпускал клуб дыма и трогался дальше.

– Иваныч, – сказал Геша, закрывая люк, – развернись немного правее, и вперед.

– Есть.

Танк тронулся вперед, осторожно раздвигая зеленые стебли, мечту буренок. Командирская башенка плыла на уровне метелок.

Было видно, как «Тигр» катится по дороге, подстерегая противника.

– Тормози, Иваныч.

Репнин приник к нарамнику. Их от дороги отделяло каких-то пятьдесят шагов. Вот «Тигр» поравнялся с засадой, проехал мимо...

– Бронебойным, – спокойно сказал Геша.

– Есть бронебойным! Готово!

– Огонь.

Гулко ударила пушка, посылая снаряд в корму немецкого танка. Тот остановился, медленно разворачивая башню с длинным стволом орудия.

– Бронебойным!

– Есть!

Но второго выстрела не потребовалось – из «Тигра» повалил дым, а из люка полезли немецкие танкисты.

– Иваныч, вперед! Угости фрицев из пулеметика!

Взревев, «Т-43» намотал на гусеницы последние кукурузины, и «Тигр» открылся, как поросенок на блюде. Немцы заметались, а Бедный стал сечь их короткими очередями из курсового пулемета.

Репнин присмотрелся к офицеру в мятой фуражке – на рукаве у того чернел ромб с черепом. Дивизия СС «Тотенкопф». В тот же момент очередь из пулемета задела немецкого танкиста, разрывая тому бочину. Не жилец.

– Вперед!

Когда бригада оказалась за лесом, ситуация резко осложнилась – на гвардейцев наступали «Т-VI», и было их не меньше восьми десятков. «Тигры» шли двумя колоннами, в арьергарде метались «четверки» и «Пантеры», а на флангах перли «Фердинанды».

Эти самоходки не зря носили второе имя «Элефант» – тяжеленные, весом в шестьдесят пять тонн, они могли пройти не по всякой дороге. Зато и в лоб им бить бесполезно – двадцать сантиметров стали!

Репнин сжал зубы.

Правофланговой группой танков командовал майор Козелков, левофланговую группу «сороктроев» вел капитан Лехман. 102-й шел на левом крыле 2-го батальона Полянского. Слева шли «Т-43», справа – «ИС-2» и «КВ-1М». Следом двигалась пехота.

«ИСы» с ходу открыли огонь, пытаясь если не остановить, то хотя бы задержать накатывающуюся армаду. Их орудия были помощнее «тигриных», так ведь и «Т-VI» славились своей убойностью.

Два «Тигра» замерли – у одного заклинило башню, у другого порвало гусеницу, но и гвардейцам досталось. «Фердинанды» как ползли, так и продолжали надвигаться, подстреливая «Т-43».

Лобовая броня на «сороктройках» достигала ста миллиметров, но уж слишком близко сошлись немцы с русскими. 88-миллиметровые снаряды гвоздили русские танки, пробивая башни и борта. Танкисты 1-й гвардейской отвечали тем же – вот уже три «Тигра» задымили, закоптили, а «ИС-2» Полянского подбил «Фердинанда», влупив ему 122-миллиметровый в бок.

Если бой пойдет и дальше, бригада просто растает, перебив в лучшем случае половину бронетехники противника.

В этот момент мимо танка пронесся тяжелый снаряд – не задел, не чиркнул даже, а именно пролетел, но так близко, что воздушная волна хлопнула по башне, словно кто чурку швырнул.

Все эти мысли и наблюдения промелькнули у Геши за одно мгновение, а тут и Борзых закричал:

– Лехман радирует! Говорит, с левого фланга подходит большая колонна «Тигров» и «Пантер»!

– Передай всем, – решил Репнин. – Отступить задним ходом, не прекращая вести огонь!

– Есть!

– Иначе попадем в окружение, – уже спокойнее добавил Геша.

Отбиваясь от немецких танков, «ИСы», «КВ» и «Т-43» отступали до самого леса, и здесь уже всем было явлено – комбриг отдал единственно возможный приказ.

Слева, вдоль опушки, наступали «Тигры». Даже на Курской дуге Репнин не видел столько «усатых-полосатых» сразу. А «Т-VI» не просто наступали, они вели огонь на поражение, методично выбивая русские танки.

– Бронебойным!

– Есть! Готово!

– Санька, видишь гада у дубов слева?

– Есть, вижу!

– Огонь!

Снаряд угодил «Тигру» под башню, и та перекосилась, слетая с погона. Длинный «хобот» орудия уныло свесился, почти утыкаясь в землю.

– Я – Зверобой! Отходим!

102-й, взрыкивая мотором, вкатился в молодую поросль кленов и лип, развернулся и двинул знакомой просекой.

Налетели «Юнкерсы» – штук сорок кривокрылых пикировщиков завывали в небе, сбрасывая бомбы. Даже в танке отдавалась дрожь земли.

Бомбежка, правда, длилась недолго – появились истребители «Ла-5» и прогнали «Ю-87». Выцветшая лазурь небес перепоясалась чадными шлейфами сбитых бомберов и «Мессершмиттов».

Это утешало мало.

Репнин, насупившись, смотрел в перископ по сторонам. По сторонам росли дубы и осокори.

Отступление всегда неприятно, даже если оно называется стратегическим. А здесь и вовсе тактика.

Когда наступает чуть ли не сотня «Тигров», крайне важно ударить всеми средствами, всеми силами – бомбить с воздуха, обстреливать из противотанковых орудий с земли. А когда всего этого нет и «тигриное» стадо наступает с двойным перевесом...

Ну, можно, конечно, героически погибнуть, положив всю бригаду. Но не лучше ли отойти, собраться с силами и дать сдачи?

«Оправдания ищешь?» – хмуро подумал Геша.

А вот и кукурузное поле...

– Товарищ командир! Из штаба передают – артиллеристы спешно занимают позиции у Высокополья!

– Сам вижу, – буркнул Репнин, глядя на суетящихся пушкарей, отцеплявших 100-миллиметровые орудия от «УльЗИСов» и «Студебеккеров». – Где ж они раньше были?

Когда ж мы научимся взаимодействовать? Сколько бед, сколько потерь из-за дурацкой рассогласованности!

Надо отдать должное «богам войны» – как только «Тигры» и «Фердинанды» показались из леса, батареи ПТО их крепко приветили.

А 1-я гвардейская замерла в ожидании. Ждать пришлось недолго.

* * *

– Товарищ Сталин сказал четко и ясно: «Ни шагу назад!» – медленно проговорил Червин. – Вы же, товарищ Лавриненко, бежали с поля боя, как последний трус!

– Если бы товарищ подполковник не отдал приказ к отступлению, – вмешался Амосов, – погибли бы все! А так мы вышли из окружения, сохранив экипажи и матчасть.

– А я вас не спрашиваю, товарищ лейтенант, – хмуро сказал майор. – Если хотите знать мое мнение, то лучше героически погибнуть, чем трусливо драпать!

– Сдохнуть легко, выжить куда труднее, – разлепил губы Репнин. – Но победу одерживают не мертвые, а живые. Да, мы отступили, но сражаясь, сохраняя боевые порядки!

– Товарищ майор! – поднялся капитан Каландадзе. От волнения его грузинский акцент усилился. – Товарищ Лавриненко поступил совершенно правильно! Мы едва успели вырваться из ловушки! Еще каких-нибудь пятнадцать минут, и «Тигры» вышли бы нам в тыл! И легко раздолбали бы наши танки, целясь в корму, рассеяли бы пехоту! Ну, что вы, в самом-то деле, цепляетесь за чувство долга? Уж кто-кто, а товарищ Лавриненко свой долг танкиста выполнил и перевыполнил! Нельзя же так! Надо и головой думать!

– Молчать! – гаркнул Червин. – Тоже под трибунал хотите?

– Хотим! – поднялся бледный Лехман.

– Хочу! – заявил Полянский, вставая рядом с Каландадзе.

– И мы хотим! – вызывающе сказал Борзых, оглядываясь на Федотова и Бедного. Те согласно закивали.

Экипаж Полянского – заряжающий Шулик, наводчик Гурьев, мехвод Козырев – выстроился за спиной комбата.

– И мы! – бросил Гурьев.

– Ат-лично! – На губах Червина зазмеилась нехорошая улыбочка. – Ваше желание исполнится! Товарищ подполковник, сдайте оружие.

Из воспоминаний капитана Н. Орлова:

«...Ночью лежишь, а вокруг тысячи трассирующих пуль. Смотришь на них – «Эта кому? Мне? Соседу?» Но это самообман, на самом деле «свою» не успеешь увидеть. И тут мои мечтания прерывает шипение рации: «Орлов, на высоте пехота. Их атакуют танки. Поможешь им!»

Мне нужно отправить взвод, а связи нет. Вернее, от командира полка ко мне – есть, а от меня к командирам взводов – нет. Взводным только потом начали рации ставить. Решил добежать. И только слез со своего танка – рой пуль! Наверное, несколько пулеметов открыли огонь. Сплошной вой.

Если под Сталинградом меня стрелок отлавливал, то тут оказалась шальная пуля. Попало в живот. Меня спасло то, что пуля уже на излете и хорошая ватная куртка. Пуля пробила одежду и застряла в мышцах живота. Упал, конечно. Боль, шок...

Ребята попытались вытянуть пулю и вроде бы добрались, но ничего не получилось... Кто-то сбегал, крикнул врача. Прибежала Софья Григорьевна. Прибежала, а сумка пустая – рядом с ней взорвался снаряд, и одним из осколков рассекло ее медицинскую сумку. Она в темноте пошарила-пошарила, плюнула и бегом к танку. Ребята кое-как меня уложили на броню, брезент подложили. Как я понял да и почувствовал – она до этой пули добралась и вытащила ее зубами. Я пулю хранил вплоть до переезда на новую квартиру. Потом кто-то по ошибке из ребят взял поиграть, и она затерялась...»

Глава 4

Штрафник

Харьковская область, ОШТБ.

10 августа 1943 года

Погоны с Геши сорвали, ремень тоже отобрали. Под конвоем энкавэдэшников Репнина и его товарищей доставили в тыл. Особисты изрядно перенервничали – герой все-таки, с самим вождем знается, – но, как назло, из Москвы прибыл Абакумов лично, начальник СМЕРШа, и задавил всех своим авторитетом. «У нас незаменимых и неприкасаемых нет!» – сказал он весьма внушительно, и военный трибунал вынес свой приговор.

Репнина разжаловали в лейтенанты и дали десять лет с заменой наказания штрафбатов сроком на три месяца. У Каландадзе, Лехмана и прочих сроки вышли поменьше – по семь лет, и в штрафниках им выпало ходить два месяца кряду.

Потом гвардейцев-штрафников и еще человек десять проштрафившихся танкистов перевезли в особый отдел армии, где видный чин проводил «собеседование». Один на один.

Первым вызвали Геннадия. Чин сидел за столом и что-то быстро писал. Подняв голову, он молча указал Репнину на стул и снова склонился над своими бумагами.

– Я знаю вашу историю, товарищ Лавриненко, – сказал он, не отрываясь от писанины. – Да, есть спорные вопросы, но приказ есть приказ. «Ни шагу назад!» Между нами – вы согласны с товарищем Сталиным в этом вопросе?

Геша скупно улыбнулся. Попробовал бы он не согласиться...

Вера в Сталина у солдат и офицеров была непоколебима. Генералов и командиров в войсках ругали, честили как могли, бывало, и матом крыли, но вождя – никогда.

– Полностью, – твердо сказал Репнин. – Видывал я эти «побегушки», когда винтовку в кусты и деру – отсидеться, отлежаться. Приказ жесткий, но с трусами и дезертирами иначе нельзя.

Чин кивнул.

– Рад, что вы все понимаете, товарищ Лавриненко. А вызвал я вас специально. В обычном штрафбате вам делать нечего. Пехотинец из вас выйдет неплохой, но зачем же спешивать умелого танкиста? Сейчас мы организуем Отдельный штрафной танковый батальон. Я, конечно, могу вас туда послать в принудительном порядке, но хочу, чтобы вы сами сделали свой выбор. Добровольно.

Геша пожал плечами.

– Разумеется, от меня будет куда больше толку в танковых частях. Согласен.

– Вот и отлично, – бодро сказал чин и представился: – Полковник Рогов, командир ОШТБ. Сейчас я переговорю с остальными, и если все пойдет гладко, то вы сегодня же отправитесь... э-э... по новому месту службы. Найдете там капитана Лаптина, командира танковой роты. Все вопросы прорешаете с ним. Вы свободны. Следующий!..

...Когда всю дружную компанию закрыли в теплушке и паровоз потащил состав по голой степи, Геша пытался товарищам попенять – не стоило, мол, и все такое, но за всех ответил Бедный, обычно не слишком разговорчивый.

– Товарищ командир, – спокойно ответил мехвод, – а чего это вы один за всех отвечать станете? Мы что, безглазые и неразумные? И «Тигров» тех не видели? Сказали бы, что давайте-ка будем стоять насмерть – стояли бы. Только зачем? Был у меня случай в танковом училище. Одиншибко здоровый парниша пайку мою требовал. Я отдавать не стал, сбёг, а он меня отпинал. Ничего, я двух друзей позвал, и мы ему ввалили как следует, втроем. А как же? Вот и вы

все верно рассудили. А скольких ребят от смерти спасли? Нет, приказ товарищ Сталин правильный отдал – паникеров и дезертиров ловить надо и наказывать по всей строгости. А то, что нас к ним приписали... Так чего об этом говорить? Все и так всё понимают!

Лехман ухмыльнулся.

– Как напишешь свою речь, – сказал он, – я под ней подпишусь!

– А я Фролова вспомнил, – негромко проговорил Федотов. – Вон, как ушел от нас, так и сгинул. А мы, считай, с лета 41-го одним и тем же составом воюем!

– Это верно, – кивнул Полянский, подгребая под себя солому. – Говорят, танкист три боя живет. А мы их сколько пережили? И в танках горели, а все равно выбирались, на новую технику садились – и в бой! Так что не переживайте, товарищ командир, все образуется. Нас в штрафники всего на два-три месяца отправили, к зиме освободимся!

– Если выживем, – сказал Репнин.

– Выживем! – отмахнулся Каландадзе. – Куда мы денемся...

* * *

Хозяйство Отдельного штрафного танкового батальона располагалось недалеко от линии фронта, на полустанке посреди степи.

Дощатые бараки, вышка, забор – все это навевало тоску и уныние.

– Выходим! – скомандовали сержанты НКВД, поводя дулами ППШ, и штрафники покинули вагон.

– Весело тут у них, – сказал Лехман, щурясь на солнце. – Аж сердце радуется!

– Разговорчики, – буркнул энкавэдэшник.

Под конвоем танкистов завели в расположение штрафбата. Было заметно, что строили его не слишком давно и без особого старания.

Прибывших встретил юркий и весьма упитанный человечек в изгвазданной форме. Репнину он напомнил Колобка из сказки – тот тоже, когда от бабушки ушел и от дедушки ушел, тоже порядком извалялся. Как его только Лиса съела – грязного, в налипших травинках да хвоинках... Оголодала, наверное.

– Новенькие? – остановился Колобок, руки в боки.

– Типа того, – ответил Репнин, неодобрительно оглядывая встречающего. – Ты где так извожился, служивый? Тобою что, мазут оттирали?

– Свиная грязь найдет, – сказал Бедный.

– Но-но-но! – с достоинством выговорил Колобок и неожиданно улыбнулся: – Познакомьтесь с нашими танками – сразу уразумеете, где чего искать.

– Ты бы лучше начальство здешнее поискал.

– Отбыло начальство. По важным делам.

– Мне нужен комроты Лаптин.

– Спит командир.

– Так разбуди.

– Ага – разбуди! Да это все равно что медведю в берлоге подъем скомандовать! А вот и он.

– Медведь? – усмехнулся Лехман.

– Ротный!

На крыльцо вышел хмурый человек в офицерском кителе, наброшенном на плечи. Неприязненно оглядев танкистов, он сошел по дырявым ступеням и приблизился, тоже упирая руки в боки, словно пародируя Колобка.

Был комроты небрит и красноглаз то ли от бессонницы, то ли от запоя, хотя лицо его выглядело интеллигентным, породистым даже.

– Танкисты? – спросил он.

– Так точно, – ответил Репнин.

– Звание? Фамилия?

– Лейтенант Лавриненко.

– А было? – с интересом спросил комбат.

– Подполковник.

– Наград тоже лишили?

– Не интересовался.

Комбат кивнул.

– А я – Лаптин, – представился он. – *Тут* я – капитан, хотя *там* в генерал-майоры вышел. Лавриненко, Лавриненко... – задумался он, морща лоб. – Слышал я что-то...

– Еще бы не слышать, – усмехнулся Полянский. – Товарищ командир уничтожил больше двухсот танков противника.

– Двухсот?! – недоверчиво переспросил Лаптин. – А не брешешь?

Геша пожал плечами и спросил с долей нетерпения:

– Танки где?

– Увидишь, – коротко бросил комбат и повернулся к бараку. – Пошли, подполковник, разговор есть.

Репнин прошел за Лаптиным в темный коридор и свернул в первую же дверь. Обстановка там была, как в камере – койка, стул, гвоздь в стене, исполнявший роль вешалки. Даже поганое ведро стояло в углу, стыдливо прикрытое картонкой.

– Располагайся, – сказал хозяин, усаживаясь на скрипучую кровать, застеленную солдатским одеялом.

Геша присел на стул. Тот тоже скрипнул, но выдержал.

– НКВД тут не люзует особо, – начал Лаптин, – жить можно. Тебе сколько впаяли?

– Десятку.

– Ага... До ноября, значит... Вот что, подполковник. Вижу я, ты человек бывалый, настоящий, не то что здешний народец – сплошь дезертиры. Скажи... Вот я слышал, тебя товарищем командиром назвали. Они знают тебя?

– Это мои подчиненные. Сами пошли за мной.

Лаптин присвистнул.

– Ни хрена себе! – Подумав, он продолжил: – Значит, ты тот самый человек, который мне нужен. Самое большее, через неделю нас погонят на Ахтырку. Немцы там окопались серьезно, вот и надо будет их оттуда выковыривать. Я чего хочу? С-сучье воспитание! – рассердился ротный. – Все вокруг да около! Ладно, будем считать, ты – свой. Короче. У меня сын подрастает, третий год парнишке. Не знаю, что будет и как все выйдет, но даже если я сдохну, пусть малец хоть не стыдится отца. Вернусь – вообще хорошо. А чтобы вернуться – выжить надо. А выживают либо трусы, либо такие, как ты с товарищами – один за всех, и все за одного! Чтобы и мне, и тебе вернули звание и награды, надо будет здорово потрудиться. Повоевать надо! Да так, чтобы фрицы от нас бегали, а не мы от них. Короче. Поставлю я тебя командовать взводом. Небось, с «тридцатьчетверок» начинал?

– Вообще-то, с «бэтушек». Но это когда было-то...

– Сразу предупреждаю: матчасть у нас не ахти. Воюем на том, что не жалко. Я тут не всем распоряжаюсь, конечно, но если не зарываться особо, то все устаканивается. Ладно, иди, подполковник. Скажешь Колобку, чтобы провел...

– Кому-кому? – рассмеялся Репнин.

– Сержант Колобов, видел ты его. Не похож разве?

– Вылитый Колобок! Разрешите идти?

– Ступай...

Геша покинул душный барак и выбрался во двор.

- Сержант Колобов! – окликнул он грязнулю. – Ротный велел танки показать.
- Покажем! Нам скрывать нечего!

* * *

Когда Репнин увидел, на чем ему придется в бой идти, слов не было.

- Бля-я... – затыкнул Бедный. – Это ж каким жопоруким техника доставалась?

В обширном дворе, под дырявым, провисшим навесом стояли танки «Т-34» – облезлые, со следами многочисленных попаданий, небрежно заваренными стальными заплатами, со ржавыми потеками, заляпанные глиной, маслом и черт знает чем еще, они представляли собой жалкое зрелище.

Экипажи, которые готовили бронемашину, были под стать матчасти – расхристанные, грязные и тоже какие-то запущенные, что ли. Их было немного, по счету – на пару взводов.

- Вот эти танки свободные, – послышался голос Лаптина.

Геша обернулся. Комроты уже был одет как полагается, только щетина, трехдневная как минимум, выпадала из образа советского офицера. – Позавчера прибыли из капремонта...

- ...Или со свалки, – сказал Лехман.
- Вот, отсчитывайте четыре штуки с краю – это ваши.

Репнин подумал и стащил с головы фуражку.

- Бросим жребий, – сказал он, – чтобы все по-честному.

Геше достался второй с краю. Иваныч тут же полез к мотору.

- Бля-я... – глухо донесся его голос. – «Керосинка»!

«Керосиновыми» называли те «тридцатьчетверки», выпускавшиеся на Сталинградском тракторном, которым не хватило «родных» дизелей В-2-34. Вместо них ставили авиационные движки М-17Ф, выработавшие ресурс. Эти моторы жрали высокооктановый бензин, поэтому «керосиновые» танки очень хорошо горели да и капризными были – жуть.

Кстати, внутри «тридцатьчетверка» как раз и была обгорелой, а кое-где виднелась плохо замытая кровь, небрежно покрашенная зеленой краской.

- Дизели есть, – обрадовал Иваныча комроты. – Также из капремонта. Только поставить надо.

- Вот это здорово! – обрадовался Бедный. – Поставим!

Буквально через пять минут подъехала «летучка» ПТРМ – передвижной танкоремонтной мастерской, – и Иваныч запряг весь экипаж.

Штрафники вокруг дивились только, как споро орудовали новенькие.

Наклонный кормовой бронелист откинули на петлях, а крыша МТО – моторно-трансмиссионного отделения – поднята. Над ним танкисты поставили пирамидой три бревна, перекинули через блок трос лебедки с крюком.

Освободив авиамотор от креплений, Иваныч крикнул:

- Вирай помалу!

Двигатель медленно, словно без охоты, потянулся вверх, натягая трос, показался весь.

- Майнай! Кантуем, ребята!

М-17Ф перекаптовали на деревянные салазки, а добры молодцы с ПТРМ подтянули дизель. Осмотрев, ощупав, чуть ли не обнюхав двигатель, мехвод застропил его.

- Вирай! Командир, придерживай!

- Держу, Иваныч, держу...

Дизель В-2, несмотря на внушительные размеры, был куда легче, чем казался – алюминиевый блок цилиндров!

Отцентрировав двигун строго над моторным отсеком, Бедный стал его медленно, нежно даже, опускать.

– Стоп! Еще чуть-чуть... Еще... Стоп!

Заведя дизель точно на крепежные места, экипаж подключил электрокабели, прикрутил шланги и все прочее.

– Все кажись, – вынес Иваныч вердикт.

– Заводи!

– Есть!

Бедный залез в танк. Некоторое время слышались его нелицеприятные высказывания о прежних хозяевах машины, а потом дизель ворохнулся, зафыркал... И вот копоть и дым ударили из выхлопных патрубков, дизель взревел всеми своими пятьюстами лошадиными силами, взревел радостно и мощно.

– Зверь, а?! – высунулся из люка оживленный мехвод.

– Зверюга! – согласился Репнин. – Покрути малость и глуши.

– Есть!

Геша самому себе удивлялся – оставить продвинутый «Т-43», чтобы радоваться «Т-34-76»! Но была радость, была.

«Тридцатьчетверка» – не просто танк, это настоящая легенда, символ Победы. Хочешь не хочешь, а все равно будешь по нему ностальгировать.

На обед выдали ячневую кашу с тушенкой и заваренный иван-чай. Цветом и, что главное, вкусом напитков и впрямь походил на «полезный, хорошо утоляющий жажду напиток», как писали на упаковках грузинского чая второго сорта. Правда, вместо сахара был сахарин, а вместо печенья – черствый хлеб с противным комбиджиром, но это уже так – мелочи жизни.

* * *

Ближе к вечеру опять засвистел паровоз. Явилось человек двадцать штрафников. Кто танк бросил подбитый, хотя пушка еще стрелять могла. Кто на краже попался, кто морду набил высокому начальству. Дезертиров и самострелов не было.

Вместе со штрафниками прибыл их ротный, Николай Данилин. Этот был обычный служака, простая армейщина. Он привез с собой двух робких лейтенантов, тоже не проштрафившихся – будут командирами танков.

Ночью было тихо, а с раннего утра заревели дизели, залязгали гусеницы, и как бы не громче машинно-металлической какофонии звучали матерки танкистов ОШТБ.

А во время обеда приехала «эмка» с Роговым. Комбат приказал готовить танки.

– Сроку – три дня, – сказал он. – Моторы должны работать, как часики! Если побегит масло или заклинит башню – расстреляю. Все должно быть починено здесь! Там мы должны воевать – и точка! За нами прибудет состав, подбросит до Ворсклы, а уже оттуда берегом движем на Ахтырку. И точка!

Из воспоминаний подполковника И. Цыбизова:

«...Вы думаете, из танка все хорошо видно? Там и спереди-то не все увидишь, а уж сбоку или сзади и подавно. У меня однажды был такой случай. Наверное, на Курской дуге. Не помню уже.

Вот пошли немцы в атаку, впереди танки, а за ними пехота. А я стоял замаскированный в кустах. Дождался, пока танки поравняются со мной, и как дал газ, поехал по пехоте за ними. Они же все по одной линии идут – 30–50 метров. У немцев сразу паника. Не поймут, откуда я взялся и мну их... У них же только автоматы, и они мне ничего не сделают. А эти танки меня и не заметили. Они же не видят, что у них сзади творится. Так что я проехал мимо них и навел панику.

Говорили мне, что награда за это положена, но разве я пойду просить – наградите меня?! Вот только представьте, я провоевал фактически целый год, за это время две машины полностью отводил по моточасам, и мне только за это положена «Красная Звезда». Хотя мне потом говорили, что должны прийти две медали – одна за Курскую дугу, а вторая за Минск. И везде сколько техники было, но я ни разу не подставился под огонь. Ни разу!

Все-таки я был очень сообразительный, какой-то понимающий и хотя многое уже умел, но всему учился с удовольствием, какие-то вещи сам додумывал. Помню, например, такой момент.

Когда нам в учебном полку объяснили, что обычные пушки можно повернуть только на 15 градусов в каждую сторону, то я на доске расчертил возможный сектор обстрела. И эта картинка у меня в мозгу так моментально закрепилась, что я всегда примерно представлял себе, как уйти из-под огня. И вот я уйду в мертвую зону, подкрадусь, сразу поворот, и даю этих пушкарей...»

Глава 5

Блицтрегеры

Ахтырка.

15 августа 1943 года

Железная дорога от Харькова до Ахтырки была, по сути, рокадной, однако близость линии фронта не сказалась – налетов немецкой авиации не случилось, все шло тихо и спокойно.

Состав двигался неспешно, делая короткие остановки. Танки штрафников брезентом не прикрывались – не было в наличии брезента. Рогов рассчитывал «по-быстрому» добраться до места, а там видно будет.

Геша устроился прямо на платформе, рядом со своим танком. В углу выложили импровизированное пулеметное гнездо из мешков с песком, и даже «Максим» втулили, вот там-то Репнин и «окопался».

Было жарковато, но набегавший воздух сдувал духоту. Жить можно...

Сощурившись, Геша смотрел по сторонам, на луга и перелески. Следы войны попадались частенько. То хвост сбитого самолета мелькнет на холме, то проползут мимо покореженные вагоны, сброшенные с путей, то станция, разбомбленная до фундамента, одни лишь часы висят на покосившемся столбе да табличка с готическим шрифтом болтается на ветерке.

Вздохнув, Репнин откинулся на мешок, вбирая носом запах увядавших трав.

Поразительно, но вся эта некрасивая история с военным трибуналом, со штрафбатом не вывела его из себя, не возбудила ни обиды, ни тем более, ненависти. Бывало, что раздражение поднималось в нем мутной волной – и опадало.

Именно так Геша и оценивал свое положение. Вознесся? Честь тебе и слава! А теперь испытай падение. Если выдюжишь новое злключение и поднимешься – молодец. А на нет и суда нет.

Или трибунала...

* * *

...Ахтырка была важным плацдармом гитлеровцев на левом берегу Ворсклы. Сюда немцы тоже перебросили свои элитные части из дивизий СС «Гросс Дойчланд», «Викинг» и «Тотенкопф».

Эсэсовцы не просто удерживали оборонительные рубежи, они постоянно переходили в бешеные контратаки. Здесь наступали бойцы советской 4-й гвардейской армии, которую поддерживал 3-й танковый корпус. Вот ему-то и должен был помочь ОШТБ.

Штрафбат недотягивал до трех рот, да и те, что числились, были вооружены старыми, битыми и горелыми «тридцатьчетверками». В последний день пригнали три «КВ» – Полянский мигом их оприходовал.

Репнин усмехнулся. Старые...

В той реальности только такие и были, других не держали. Даже «Т-34-85» к этому времени еще не поступали в войска, бились на том, что есть. Ныне ситуация изменилась, и серьезно, только не стоит забывать, что мощные «Т-43» и «ИС-2» составляют пока малую долю в танковых войсках. Заводам, чтобы раскрутиться по-полной, требуется немалое время, и до сих пор, даже в этом самом августе, Сталинградский тракторный гнал все те же «Т-34». Переваеса в производстве не следует ждать ранее конца 43-го – начала 44-го года...

Неожиданно мирная картина слева изменилась – с пологого склона, покидая перелесок, скатились пара «Ганомогов» и две «коробочки» с крестами на башнях. «Т-IV»? Нет, «тройки».

– Саня! – заорал Геша. – Ко мне! Иваныч! Заводи!

Мехвод, как увидал фрицев, так сразу в свой люк нырнул. Очень скоро дизель взревел, напуская гари.

– Федотов! Крой гадов бронебойными! Ванька со мной будет!

– Понял!

Башнер живо соскользнул в люк, а Борзых, часто дыша, перепрыгнул мешки с песком, приседая рядом с Репниным.

– Вторым номером будешь, – сообщил ему Геша.

– Ага!

Иван быстренько, хотя и суетливо заправил матерчатую ленту из массивного патронного ящика. Репнин передернул затвор и установил прицельную планку.

Из перелеска, откуда тянулась дорога, выехал десяток мотоциклов с колясками, обгоняя «Ганомоги». Геннадий оскалился, берясь за рукоятки, и надавил на гашетку. «Максим» дернулся, застучал, загремел, выпуская очередь.

Один из «Цундапов» вильнул и ушел в кувырок. Следующий за ним замедлил с реакцией – мотоцикл врезался в люльку перевернувшегося, и водитель слетел с седла.

Один из «Ганомогов» вступился за мотоциклистов, открывая огонь из МГ-34. Пулеметчик оказался метким – очередью задело борт платформы и продырявило мешок с песком.

Ответка прилетела весомая – Федотов развернул башню и выстрелил осколочно-фугасным. Прямого попадания не вышло, но взрывом «Ганомог» опрокинуло, положив набок.

Обе «тройки» развернулись почти разом и выстрелили. Один из снарядов разворотил насыпь, вскидывая добрую тонну глины и щебня, а второй усвистал за пути. Перелет.

Оглушающе грохнуло орудие «Т-34». Бронебойный ударил скользом, вышибая из башни «Т-III» сноп синих искр. Но, видимо, удар оказался для немецких танкистов чувствительным – машина замерла, а затем дала задний ход, чтобы оказаться к поезду передом – лобовая броня у «тройки» достигала тридцати миллиметров.

Вторым выстрелом Федотов поразил ее соседку, на повороте показавшую борт. Туда-то и впаялся подкалиберный.

Болванка наделала делов – танк дернулся и замер. Он стоял недвижимо целых полторы секунды, и никто за это время не показался из люков, а на счет «четыре» башню резко перекосило, выпуская фонтан огня.

С опозданием развернулись башни танков Полянского и Лехмана. Досталось завалившемуся «Ганомогу» – «лежачему» засадили в днище. Полуживая «тройка» живо укатилась задним ходом. За ней и второй «Ганомог» ринулся, но не поспел – «поймал» снаряд в корму.

Из боевого отделения не выпрыгнул никто, лишь двое покинули кабину, и Репнин тотчас же выдал дробную очередь – бешено замолотил затвор, посыпались горячие дымящиеся гильзы.

Атака отбита...

* * *

...Паровоз засвистел и стал сбавлять ход. Станции как таковой не было, разгрузка шла на штабеля старых шпал, кое-как скрепленных скобами. Поодаль стояли сотни подбитых танков. Только «КВ» Репнин насчитал тридцать пять штук.

Судьба у них разная – часть танков «откапиталют», много отправят на переплавку.

Первыми сгрузили «КВ» – тяжелые танки, взрыкивая моторами, осторожно покидали платформы. Шпалы словно плющились под ними, скрипя и треща, но держали.

«Тридцатьчетверки» были полегче, дело пошло шустрой.

В самый разгар прибыло высокое начальство – сам командующий 3-м корпусом генерал-майор Вовченко, начальник штакора³ Малышев и начальник политотдела Сидякин.

Рогов тут же подошел, представился, после чего окликнул Репнина.

– лейтенант Лавриненко по вашему приказанию прибыл! – четко выговорил Геша.

Комкор, плотный, спокойный человек, протянул ему руку и сказал:

– Приветствую вас, товарищ подполковник. – Усмехнувшись, он добавил: – Катукоев с Панфиловым уже в курсе вашей... хм... одиссеи. Они навели шороху в штабе фронта, так дело и до Москвы дойдет.

– Спасибо им, конечно, – улыбнулся Репнин, – но особы по-своему правы были – я действительно нарушил приказ.

– Они проявили чрезмерное усердие, – сухо сказал Сидякин, – не дав себе труда разобраться в том, что отход и бегство – разные вещи.

– Как бы там ни было, я готов исполнить ваш приказ, товарищ командующий.

Вовченко кивнул.

– Поблизости находятся части двух эсэсовских дивизий – «Великая Германия» и «Мертвая голова». Последняя понесла большие потери. Как говорят пленные, в полку у них сейчас сорок танков и они ждут пополнения. Но все равно, обе дивизии все еще сильны и продолжают удерживать левый берег Ворсклы. Задача у нашего корпуса такая – овладеть совхозами «Ударник» и «Комсомолец», очень важными пунктами на подступах к Ахтырке. Боевые порядки построим в два эшелона. В первом – танковые бригады Позолотина и Походзеева, во втором – 18-я бригада Гуменюка и мотострелковая бригада полковника Дьячука. Ваш батальон, Рогов, прилагается полковнику Гуменюку. Готовьтесь к выступлению.

– Есть готовиться к выступлению!

Комбат взял под козырек и тут же развил бурную деятельность.

Погрузочная площадка из шпал изрядно пострадала, зато все танки были спущены и заправлены. Экипажи выстроились цепочками, передавая друг другу снаряды, пополняя боекомплект.

Мало того, на каждый танк, вдоль корпуса по бокам башни, привязывали по четыре-пять шестиметровых бревен.

– Это приказ комкора, – объяснил Рогов. – Впереди – Ворскла, Псел, Сула, Десна и Днепр, речки и болота. Вряд ли у нас будет время и возможность заготовить столько дерева на месте, чтобы с ходу сделать настил для машин. Да, и еще один приказ генерал-майора: каждый танк и каждая автомашина должны иметь двойной запас горючего.

– Умно, – оценил Лаптин. – Нечего всякий раз с передовой в тыл мотаться на заправку.

Репнин тоже поддерживал решение Вовченко, но мнения своего не высказал, промолчал. Его вниманием завладели штрафники.

Гвардейцы ничем особым не выделялись, разве что большей сосредоточенностью, чем обычно. Геша не ощущал в них сомнений – товарищи пошли за ним не под воздействием эмоций а по велению души. Да, когда особист поставил их перед выбором и они его сделали, то это был вызов. Избежать его было нельзя, если только не поступиться убеждениями и дружбой.

Скорей всего, если бы Червин оказался посдержанней и промолчал, если бы проблема выбора не возникла вовсе, то в штрафбат Репнин отправился бы один. Тут даже не ирония судьбы, а прямая издевка.

Геша прикинул, что он даже рад, что «залетел» не один. Но тут есть и другая сторона – отныне он несет за «своих» ответственность. Негласную, незаявленную, но несет. Пусть

³ Разговорное – штаб корпуса.

даже перед своей совестью, но ведь это главное, куда главнее, чем ответственность по уставу и закону.

Репнин оглядел штрафников, которые находились поблизости. С чем они пойдут в бой? С каким настроем?

Их никто не гонит в атаку, никакие заградотряды не будут топтать сзади, красноречиво наводя ПППШ. Тут все зависит от самих людей и от того, за что они были наказаны.

Предателей и дезертиров в ОШТБ не держали. Кто-то угодил в штрафбат за то, что оставил подбитый танк, хотя башня еще вращалась и снарядов хватало – что же ты, друг ситный, вышел из боя, не погиб геройски?

Кто-то набил морду командиру или устроил себе выходные. Были тут и те, кто проворовался. Отряд? Или сброд?

Репнин усмехнулся, вспоминая «родное» время, когда о штрафниках не писал только ленивый. Послушать таких писунов, то выйдет, что именно штрафбаты и выиграли войну, пока регулярные части грелись в землянках.

Скорей всего, редкий писун служил в армии, поэтому плохо представлял себе, что такое служба. А уж военное время...

Начало всей этой позорной брехне положил Солженицын, тиснувший сборник лагерных баек под названием «Архипелаг ГУЛАГ». Это он додумался до того, что Сталинградскую битву выиграли штрафники. Наверное, аж повизгивал от злобной радости, когда бумагу пачкал. Либералы до сих пор слюноточат от восторга.

Нет, может, среди сочинителей чернухи о злобном Сталине и попадались отслужившие срочную. Тогда они просто ввали, отрабатывая зарубежные гранты или спеша попасть в конъюнктурную струю.

Штрафбаты были всегда, только назывались по-всякому. Все люди – разные. Одни идут служить с охотой, другие – без, но все равно идут, понимая в том свой долг. А третьих ни орденами не заманишь, ни гауптвахтой не испугаешь. Но существует великий принцип: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим».

Штрафники были во всех армиях Европы, кроме французской – там провинившихся просто расстреливали перед строем. Многие «креаклы» ставили (будут ставить!) в вину вождю знаменитый приказ № 227, больше памятный как «Ни шагу назад!», скромно умалчивая о том, что первым подобную директиву подмахнул Гитлер, приказывая войскам стоять насмерть под Москвой в 41-м.

И советские штрафбаты появились уже после того, как подобные образования возникли в вермахте. Сталин просто использовал немецкие наработки, творчески привив их к советскому реалу.

И тут, рассуждая о сходстве и различиях, надо помнить одно – советские штрафбаты были гораздо гуманнее немецких. Очень редко проштрафившийся «зольдат» мог вернуться в часть, и никакой героизм не влиял на его приговор. Попал Вальтер или Дитрих в «500-е» батальоны – все, это будет его уделом надолго, полгода как минимум. Что по сравнению с этим один-три месяца?

К тому же боец РККА, залетевший в штрафбат или штрафную роту, мог искупить вину кровью или подвигом. Немцы были этого лишены.

Нет, товарищи «либерасты», штрафбат – вещь нужная. И полезная. Само их наличие способно подстегнуть малодушных.

А коли сам угодил в штрафники... Иди и воюй.

– По машина-ам! – разнесся крик Рогова.

Из воспоминаний капитана Н. Орлова:

«Полковник сказал: «Орлов! Перекрой брод, и все – вся задача. Остановить любой ценой!» Я помчался к реке.

Там карьер, большой-большой, до войны песок добывали. И так он удачно там оказался, прямо перед бродом. Подумал еще: «Как бы я тут перекрывал? Ни кустов, ни деревьев – нигде не спрячешься. А здесь просто повезло». Я раз – быстренько в карьере расставил танки. И буквально через минут тридцать-сорок смотрим – нахально прет колонна. Разведка? Разведку мы пропустили. Мы сидели вплотную к реке, а дорога к броду шла таким образом, что вся колонна развернулась к нам бортом! Ну, такая цель – просто душа радовалась. Шли танки, машины, бронетранспортеры... тягач тащил зенитку. И чувствовалась какая-то беззаботность.

Я предупредил ребят, чтоб без моего выстрела ни-ни... Боялся, что некоторые могут сорваться, не выдержать напряжения. А мы же одни, ни справа, ни слева никого нет на пять километров. Но ребята выдержали. Рязанцеву я поставил задачу: «Ты бей по головному! Я – по центру. Третий взвод – по хвосту». Здесь уже была дисциплина, здесь уже я что-то соображал.

Ну, я первый навел. Выстрел! Механик-водитель наблюдал с открытым люком. У нас из карьера одни баини торчали. Попасть в башню очень трудно. Тут началось – огонь, огонь, огонь...»

Глава 6

Четыре танкиста

Ахтырка, совхоз «Ударник».

15 августа 1943 года

Пересаживаться с «сороктройки» на «тридцатьчетверку» было все равно что съехать из ладной избы в покосившийся сарай.

Грохот, лязг, вонь, грязь, теснота, в перископический прицел все видать, как в замочную скважину...

Репнину приходилось вспоминать прежние умения – теперь он снова становился, помимо командирства, еще и наводчиком. Это даже радовало, хотя и по-детски: не надо было делить славу с Федотовым!

Сам башнер заделался просто заряжающим, Борзых потерял эту должность, пересев к мехводу, поближе к пулемету. И только Бедный, пожалуй, остался при своих. Ну, разве что опять ему приходилось тягать рычаг переключения скоростей. Ну, в этом ему снова поможет Ванька.

И все же, и все же...

«Тридцатьчетверка» оставалась какой-то родной, что ли. Ощущение было странным. Нечто подобное Репнин испытывал к своей первой машине – там, в будущем. Речь не о танке «Т-64», а о легковушке «Тойота Виц», маленьком «жучке», купленном из-за экономичности. Геша звал его «Вициком», относясь почти как к живому. А когда пришлось продать «Вицика», Репнин чувствовал себя чуть ли не предателем...

Вот и «Т-34» вызывал похожие переживания. Несмотря на все свои «детские болезни», вылеченные в «Т-43», старый танк оставался первой любовью всего экипажа.

Натянув шлем, Репнин занял свое место слева от орудия, окунаясь в духоту – жара стояла страшная. Солнце накаляло броню так, что внутри танка было как в сауне.

– Вперед, Иваныч! В атаку!

– Есть в атаку, товарищ командир!

Танк покатился вперед, качаясь, словно катер на мелкой волне. «Тридцатьчетверки», самоходки и артиллерия открыли огонь по немецким позициям. Артподготовка длилась каких-то десять минут, но ответный удар фрицы нанесли с воздуха – в небе зачернели «лаптежники».

Десятка четыре «Юнкерсов-87» выстроились в круг и начали пикировать, с надрывным воем снижаясь до высоты в полста метров, сбрасывали бомбы и выходили из пике, раздирая слух безумным ревом.

Однако танки штрафников не пострадали – они ринулись в атаку, опережая бомбы. Фугаски рвались позади, перелопачивая прежние позиции батальона. А потом в воздухе замаячили красноразветвленные «лавочки» – они набрасывались на немецкие бомберы, как тузики на грелки.

Правда, следить за воздушным боем Репнину было недосуг – гусеницы танка уже рвали колючую проволоку, накатываясь на окопы противника.

– Заряжающий! Оскольно-фугасный!

– Есть осколочно-фугасный! Готово!

– Короткая! Огонь!

«Т-34» остановился, качнув передком, и Репнин вжал педаль.

Грохнуло. Попало – дзот, сложенный из бревен, «разобрало» на части.

– Вперед! Дорожка!

Танк покатился вперед, и было непонятно – то ли незаметный подъем одолевает машина, то ли скатывается по очень пологому склону. Так или иначе, а первая линия обороны фрицев была прорвана. На полном ходу штрафники ворвались в совхоз «Ударник».

Группа немецких «Тигров» не стала связываться – гитлеровцы решили отходить через овраг по небольшому мосту, вот только задачку по сопромату решили неправильно.

Мостик под головным «Тигром» провалился, и танк всей своей массой плюхнулся в ров, увязая гусеницами в топком, несмотря на зной, месиве.

Репнин рассмеялся. Заряжающий, оборотя к нему потное лицо, спросил:

– Чего там, товарищ командир?

– «Тигр» в болото шлепнулся!

Федотов расплылся в улыбке.

– Тогда это не «Тигр», – крикнул он, – а свинья!⁴

Прижатые к оврагу «Тигры» не развернули башни, чтобы принять свой последний бой. Чувствуя за спиной бряцание гусениц и жалящие выстрелы танков ОШТБ, немцы полезли из «Тигров», как тараканы, тут же попадая под пулеметный огонь.

Штрафники захватили восемь вражеских «Тигров» целенькими и невредимыми, на некоторых машинах еще урчали двигатели.

– Товарищ командир! – захрипел в наушниках голос радиста. – Комбат приказал не трогать трофейные «Тигры»! Сказал, есть идея!

– Понял.

Немцы, засевшие вблизи совхоза «Ударник», обрушили на штрафников шквальный огонь из орудий и минометов, но танки полковника Позолотина и 3-й бригады Походзеева раскатали немцев под ноль.

В те же часы искупил вину один из танкистов ОШТБ, радист Лозин. Он постоянно поддерживал связь с КП 18-й бригады, а потом его «КВ» подбили – немецкий снаряд не пробил башню, застряв в броне, как нож, брошенный в дерево, но осколки брони, сыпанувшие от удара, убили и командира танка, и наводчика, и заряжающего. После того как «Тигры» раскурочили «Климу» двигатель, механик-водитель покинул танк, а Лозин остался, продолжая принимать и передавать команды, доходившие до него. Заметив группу немецких автоматчиков, которые подкрадывались к «КВ», радист передал на КП:

– Огонь на меня!

Заворчали, загремели орудия. Взрывами немцев смело, но один из них успел-таки поджечь танк. Солярка, может, и не такая опасная, как бензин, но уж если загорится, хрен потушишь.

Лозин бросил в эфир «последнее слово танкиста»:

– Горю!

Раненный, он задыхался в ядовитом дыму, когда до «КВ» добежали бойцы 2-й мотострелковой бригады и вытащили Лозина из пылавшего танка.

«Молодец!» – подумал Репнин, а вслух скомандовал:

– Иваныч, вперед! Держи на пулеметные гнезда – вон, где коровник!

– Вижу! Ага...

Немецкие пулеметчики порскнули в стороны, как воробьи от кота. Парочку фрицев «тридцатьчетверка» намотала на гусеницы, а потом резко накренилась, подпрыгнула, просела – по днищу прошел скрежет – это гнулись и давились вражеские пушки.

– Бронебойный! – крикнул Репнин, увидев ворочавшийся «Тигр». До него было каких-то двести метров, да в корму...

– Есть бронебойный! Готово!

⁴ Реальный случай, описанный И. Вовченко.

– Огонь!

Снаряд пробил задний лист «тигриной» брони, увеча двигатель – «Тигр» задымил, а вот и огонь показался за чадными клубами...

И тут Репнину не повезло – сосед подбитого «Тигра» выстрелил по нему. И попал, куроча ходовую часть.

Удар 88-миллиметрового боеприпаса сотряс машину, а вот и горящий соляр потек, набегая на чемоданы и ящики со снарядами.

– Живые? – крикнул Репнин. – Всем покинуть танк!

Оглушенные танкисты полезли в люки. Иваныч был ранен в ногу, и ему помогал радист. Натужно матерясь, Федотов вылез из горевшего танка. Репнин покинул машину последним, как капитан – свой корабль.

Первым делом он бросился на землю, прижимаясь к ней, валяясь в пыли, чтобы погасить пламя на комбинезоне. Лежа на земле, на него смотрели остальные – потные, закопченные, но живые.

– Сильно подгорел, командир? – крикнул Федотов, поднимая голову. Очередь из MG-32 заставила его пригнуть голову.

– Жить буду! – прокричал Репнин.

Пальба шла со всех сторон, то ослабевая, то резко усиливаясь. Советские танки, гитлеровские – все смешалось.

Неожиданно в смертельную какофонию боя вплелись гулкие удары – это заработали тяжелые немецкие минометы.

Одна мина упала неподалеку от Геши. Взрывной волной его подняло и отбросило на склон холма – словно мягкий, но огромный кулачище саданул в бок. Упав на траву, Репнин покатился, не чуя ни рук, ни ног. Разлепив веки, он резко вытаращился: прямо на него ехала «Пантера».

Он хотел было оттолкнуться, откатиться, спрятаться, но тело не слушалось – контузия словно выключила мышцы.

А танк подкатывался все ближе, лязгая гусеницами. Репнин отчетливо видел щербины на звеньях, отшлифованных землей, налипшую глину, давленную траву...

Морозящей мыслью прошло: правая гусеница переедет ему грудь, размозжит голову... Грохот и лязг заглушили канонаду.

А сверху невинно-голубое небо, будто выцветшее от зноя. Какие-то злаки мотылятся под ветерком, кивая метелками...

Танк застыл буквально в двух шагах от Геши. Гусеницы натянулись с тускнущим звоном и словно обмякли. А в следующую секунду прогремел взрыв, почти сорвавший башню «Пантеры» – взвилось пламя, потек дым... Жив, что ли?

Рядом с Репниным на колени бухнулся Федотов.

– Сейчас, товарищ командир... – бормотал он лихорадочно. – Сейчас...

Стоя на коленях, заряжающий ухватил Гешу под мышки и поволок по склону вверх.

– Сейчас... Еще маленько...

– Погодь. Попробую сам...

Ноги слушались плоховато, но руки упирались что было сил. С трудом Репнин выполз на пригорок и увидел «Т-34», застывший совсем близко, в десятках шагов. Застывший, но целый.

– За мной!

Экипаж, матерясь и постанывая, пополз по изрытой воронками стерне.

– Иваныч! Слышишь? Мотор!

– Слышу!

В самом деле, дизель неподвижного танка работал на холостом ходу. Залезать было тяжело, Репнин сделал это с перерывами. С трудом опустившись в люк, он стиснул зубы – все члены экипажа были иссечены осколками, мертвые тела сочились кровью.

– Похороним... – глухо выговорил Геша. – Потом... Иваныч? Как ты?

– Да перетянул лапу-то, – прокряхтел мехвод, – не капает. А тутошний все залил, япо-она мать...

– Вперед!

Танк с двумя экипажами – мертвецов и живых – ворвался в расположение огневых позиций врага. Одним выстрелом Репнин уничтожил миномет вместе с расчетом.

– Осколочным заряжай!

– Есть! Готово!

– Выстрел!

Немецкое орудие подпрыгнуло и перевернулось. Отстрелялись...

– Товарищ командир! У них рация разбита!

– Это не самое страшное! – ответил радисту мехвод.

Со страшным гулом в борт бьет снаряд. Рикошет...

Чертыхаясь, Репнин попытался углядеть танки своего взвода, но никого вокруг не заметил. Геша скривился.

Взводный, называется! Потерял управление танками!

Поле кончилось, потянулось что-то вроде лесополосы. Дубы и сосны мешали танку, Иваныч юлил среди стволов как мог, и тут «тридцатьчетверка» сотряслась от взрыва.

На миг воздух в танке стал алым. Наверное, это от удара покраснело в глазах, а мотор заглох.

– А, чтоб тебя... – зарычал мехвод.

И тут же, словно подпевая, заревел дизель.

– Ни с места, командир!

– Всем вести круговое наблюдение!

Поворачивая перископ, Репнин огляделся. Ни немцев, ни своих...

– Иваныч!

– Лезу уже, командир...

Механик-водитель залез под танк через днищевый люк, повозился там и просунулся обратно.

– Япо-она ма-ать! На мину наскочили! Два катка вырвало, гусеницу в сторону откинуло!

Геша поморщился.

Запасные звенья имеются, и гусеницу натянуть можно. Но для этого надо вылезти наружу – выбраться из-под защиты брони.

А бой... Не похоже, что он утихал. Смещался к западу, но гремел, бушевал по-прежнему.

Репнин открыл верхний люк и выглянул наружу. Недалеко били танковые орудия. По звуку Геша узнал родимые «тридцатьчетверки». На «Т-43» 18-й бригады стоят совсем другие пушки. А вот пулеметы гогочут, автоматы трещат...

Наши наступают.

– Тащ командир! – возбужденно сказал Федотов. – Давайте, я на разведку схожу!

– Давайте...

Заряжающий живо соскочил с танка и пополз за деревья, вооружась пистолетом «ТТ». Под прикрытием кряжистых сосен Александр поднялся, пошел, крадучись, вперед, скрылся в подлеске.

Неожиданно оттуда застрочили «шмайссеры», раза два сухо ударил «тэтэшник».

Зажимая рану на плече, из зарослей выскочил заряжающий, вспархивая на броню. Репнин тут же развернул башню да и засадил по кустам осколочным. Рвануло.

Матерясь, Федотов вернулся на свое место.

– Немцы там! – доложил он. – Но немного, не больше взвода. Ч-черт...

– Дай мне, – сказал Репнин, отбирая у заряжающего бинт. Быстро разрезав рукав, он перемотал сержанту рану. – Задела только, кость цела. Спирт есть, проверял? Продезинфицируем.

– Унурь? – натужно пошутил Федотов.

– Обойдешься.

Геша осторожно развернул башню. Справа по борту росла корявая, но толстая сосна, и ствол орудия задевал за дерево.

– Ваня! Будешь держать под обстрелом свой сектор.

– Понял...

Начинало темнеть. Вместе с приходом сумерек бой утихал, и Репнин понял, что они остались одни в этой дурацкой лесополосе.

Бросить танк и уходить к своим? Спасибо, они уже штрафники...

– Иваныч, проверь боеприпасы.

– Ага...

– Как нога?

– При мне, хе-хе...

Как выяснилось, в остатке имелось ровно десять осколочно-фугасных снарядов и ни одного бронебойного. У пулеметчика насчитывалось семь дисков к «дегтяреву» плюс пистолет-пулемет Судаева и четыре гранаты «Ф-1», два «ТТ». Все.

Провиантом танкисты тоже были небогаты. Один НЗ – буханка хлеба и две селедины. Поделив хлеб и селедку на четыре части, танкисты поужинали. Репнину достался хвост, как он и любил.

Слава богу, погибший экипаж позаботился о питье – трофейная канистра была полна теплой воды. Ну, это ничего – после соленой рыбки ты хоть из лужи лакать готов...

Дожевывая, Геша поглядел на Борзых – лопатки на согбенной спине радиста азартно шевелились.

– Ваня, как успехи?

– Лампа вдребезги... – уныло сообщил Борзых.

– А ты поставь вместо нее свой палец, – посоветовал ему Бедный. – Или этот... хм...

Ну, ты меня понял!

– Лучше я твою носяру использую, – проворчал Иван.

– Фрицы зашевелились! – сообщил Федотов.

Репнин принял к нарамнику. Немцы кучковались по десять-пятнадцать человек, они прятались за деревьями и потихоньку обкладывали танк.

– Осколочный, – спокойно сказал Геша, когда до немецкой цепи осталось метров пятьдесят.

– Есть! Готово.

– Выстрел!

Грохот расколол неустойчивую тишину. Борзых, оставив рацию, добавил из пулемета. Немцы падали и разлетались сбитыми кеглями, застрочили из автоматов – пули звонко плющились о броню.

Полчаса спустя Репнин опять заметил шевеление у немцев. В ярком свете луны он разглядел, как солдаты вырубали кусты и выкатывали орудия. Это уже хуже.

Три орудия на той стороне лужайки, слева еще одно.

– Осколочный!

– Есть! Готово!

– Огонь!

Снаряд, пущенный почти в упор, отбросил пушку, разбивая ее.

– Осколочный!

– Есть! Готово!

– Огонь!

Взрыв уничтожил второе орудие и перевернул третье. Четвертое, то, что стояло левее, успело само выстрелить, однако артиллеристы так спешили, что промазали, а второго шанса им Репнин не дал.

– Огонь!

Борзых прошелся длинной очередью по кустам. И еще час протикал, натягивая нервы...

– Работает! Работает! – заорал радист.

– Гений!

– Вот, можешь же, когда захочешь! – сказал Бедный.

– Только не вся рация, товарищ командир, а передатчик.

– Все равно – гений! Передавай наши координаты. Просим-де помочь. Пусть выручают!

И получаса не прошло, как вдруг на вражеских позициях разорвался снаряд, потом другой. И посыпалось!

– Видали? – радостно завопил Борзых. – Наши лупят! Я им точные координаты выдал! Сработало мое радио! Ура-а!

– Ура-а! – подхватил Федотов, и даже Иваныч подал свой басок.

Репнин поглядел в перископ и мигом опознал знакомые силуэты «КВ-1М».

– Ура-а! – закричал Геша.

Из воспоминаний капитана Н. Орлова:

«...К переправе вышли не в лучшем виде, с одним танком. Софья на переправе упала с моста в воду. Волосы дыбом, в сосульках. Я сам раненый, хромой, еле держусь на ногах. Опираюсь на костыль – кто-то из ребят притащил мне увесистую сучковатую дубину.

Брижнев сказал, что остатки полка сосредотачиваются в селе Чапурь, и укатил. Мы двинулись туда. Навстречу нам сплошным потоком войска: артиллерия, танки, многокилометровые колонны пехоты... И только мы в тыл!

Тут произошел примечательный случай. Нас тогда угораздило попасть в какую-то воронку и застрять там. К танку направилась группа в белых полушубках:

– Кто такие? Почему драпаете?

Пытаюсь им доложить, кто мы и откуда. Даже не слушают, смотрят с презрением.

– Что за вид? Вояка хренов. Да по тебе трибунал плачет. Что за палка у тебя?..

Чувствую – хотят припаять бегство с поля боя. Я начал огрызаться. И кто-то из свиты съязвил:

– И воевал вместе с бабой?..

Тут я уже не выдержал, вскипел. Кричу экипажу:

– Заряжающий, слушай мою команду! Осколочным!

Тот разворачивает башню, опускает ствол. Эти опешили...

Не знаю, чем бы все это кончилось, но тут подъезжает «Виллис». Еще один крупный чин, тоже в белом полушубке, в папаше. Без прелюдий спрашивает:

– Кто такие? Как вас угораздило повалить танк набок? Танкист, ты пьян? Расстрелять!..

– Да мы шесть суток держим немцев под Верхне-Кумским, чтоб вы тут вот так могли! Я командир роты, а это последний танк 45-го гвардейского... Выходим из боя по приказу командования корпуса.

– Вольского?!

– *Так точно.*

– *Немедленно вытаскать их!*

Садится в машину и укатил. К нам подгоняют КВ, пять минут – и мы на ходу. Спрашиваем:

– *Кто хоть это был?*

– *Темнота. Это же герой Московской битвы – Ротмистров! Знать надо. Мотайте на ус!*

Пришлось мотать...»

Глава 7

Рейд

Свиридовка Полтавской области.

15 сентября 1943 года

...В сентябре 1-я гвардейская танковая бригада в составе 1-й танковой армии была выведена в резерв Ставки Верховного главнокомандования.

А Отдельный штрафной танковый батальон продолжал сражаться как подразделение 3-го танкового корпуса в составе 38-й армии Воронежского фронта.

Войска фронта продвигались на запад, освобождая от фашистской нечисти Сумщину да Полтавщину.

В начале сентября бои велись на участке Бабанск – Тараны. Немцы сосредоточили здесь много пехоты, танков и самолетов. Командир корпуса резонно отказался от атаки в лоб, решив обойти сильно укрепленный оборонительный рубеж. За счет танков 18-й и 19-й бригад была усилена 3-я, чтобы создать мощный стальной клин.

13 сентября Репнина вызвали к Рогову. В просторном блиндаже комбата, незадолго до этого отбитого у немцев, присутствовал генерал-майор Вовченко и заместитель командира корпуса по матчасти Гольденштейн.

– Здравствуйте, товарищ Лавриненко, – кивнул комкор.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор.

– Как ваши люди? Готовы ко всему?

– Всегда готовы.

Вовченко кивнул.

– Помните бой под Ахтыркой? Тогда вы с 18-й бригадой захватили девять «Тигров»...

– Восемь, по-моему, товарищ генерал-майор. Девятый в болоте увяз.

– Вытащили мы этого бегемота, – улыбнулся комкор. – И вот что надумали... Я слышал, что некоторые экипажи из вашего взвода знакомы с немецкой техникой?

– Знакомы, – кивнул Репнин. – Опыта большого нет, но и «Пантер», и «Тигров» укротим, если понадобится.

– Понадобится, Дмитрий Федорович. Если мы вам трофейные «Тигры» обеспечим, сможете в рейд сходить? По тылам немецким пройтись?

Геша глянул на Рогова. Тот кивнул.

– Прогуляемся, товарищ генерал-майор.

– Отлично. Тогда так – собирайте народ, формируйте экипажи и вперед.

– Есть! А боекомплект?

– Трофейных боеприпасов у нас в достатке, – ответил Гольденштейн. – Снабдим. Топлива – под завязку. Ну а дальше сами как-нибудь. Одна лишь просьба: танки не должны достаться врагу.

Репнин подумал.

– Может, тогда запастись парой противотанковых мин? На каждый танк? Просто я боюсь, что боекомплект... Вдруг да не хватит?

– Обеспечим, – кивнул замкомандира по матчасти.

* * *

Собраться штрафнику не сложно – напаялил танкошлем, и все. Готов к труду и обороне.

Правда, экипажам, пересевшим на «Тигры», надо было еще и немецкую форму примерить.

Черные короткие куртки с розовым кантом по краю ворота и того же угольного цвета брюки, носимые поверх сапог, серые гимнастерки с черными галстуками и черные пилотки – вся эта экипировка немецких «панцерзольдатен» изрядно позабавила Репнина.

Спрашивается, с чего бы фрицам так пугаться русских «шварцен тойфель», когда сами во всем «шварцен»? Ну, разве что с розовой отделкой?

Переодевшись в немецкую униформу, Геша натянул на бритую голову пилотку с имперским орлом, кокардой и непременно кантом угольником. Дойчланд юбер аллес!

Фиг вам... СССР превыше всего!

Штрафники стали подтягиваться, оправляя куртки, подсмывая штаны, перетягивая ремни.

– Значит, так, товарищи танкисты, – сказал Репнин, влезая на «Т-VI». – В экипаже этого пушистого зверька, – он похлопал по броне, – пять человек. Приказываю командирам танков разобраться, кого возьмете наводчиками. Или как-нибудь иначе перегруппируйтесь. Ясно?

– Ясно! – прогудели товарищи танкисты.

– Девять танков – это почти рота. Поделим ее на два взвода, по четыре «Тигра» в каждом. Командиром 1-го взвода будет Лехман, командиром 2-го... – Геша сообразил, что не стоит радеть лишь за своих, и сказал: – Назначается Сегаль.

Коренастый Миха Сегаль с роскошными пшеничными усами и постоянно прищуренными глазами вытянулся по стойке смирно.

Долго разбираться танкисты не стали. Отлично зная друг друга, они быстро поделились на пятерки.

Сам ротный поставил наводчиком Федотова – опыт был, а на место заряжающего взял Жору Мжавадзе – молодого, веселого и накачанного.

– Сроки у нас сжатые, – сказал Репнин. – Два дня на освоение новой техники. Пятнадцатого выдвигаемся. Разойтись!

На третий день сорок пять штрафников выстроились напротив «Тигров», выставленных в линейку.

– По машинам!

* * *

– Блин, – ворчал Федотов, пролезая на место наводчика в башне – впереди и внизу, – не могли уже шлемы придумать...

– И не говори, – поддакнул Мжавадзе, забираясь в свой люк. – Как треснешься башкой, никакая пилотка не спасет.

– Да они думали, – сказал Репнин, – только не додумали. Иваныч! Ну, как тебе машинешка?

– Класс! – глухо отозвался Бедный.

В самом деле, после «тридцатьчетверки» мехвод просто отдыхал – управлять «Тигром» было легко. Восемь передач вперед, четыре назад, а переключаешь их небрежным движением рычажка.

Единственная сложность была связана с вождением – вместо того, чтобы тягать рычаги, мехводу надо было крутить штурвал-баранку, как в автомобиле. И педали те же – тормоз, сцепление, газ. Красота!

– Да как же его... – пыхтел Борзых под прямоугольным люком.

– Не перни от натуги, – хмыкнул Бедный. – Да куда ты... Толкай!

– Так?

- Да!
- Так он не открывается!
- А теперь в сторону!
- Сдвинув люк, стрелок-радист добился-таки своего.
- А-а...
- Бэ-э!
- Да чего у них тут все не как у людей...
- Ванька, рация фурычит?
- А то!
- Позывные помнишь?
- А как же!

Свой старый позывной – Зверобой – Репнин использовать не стал, решил обойтись простыми числительными. Он – Первый, Лехман – Второй, и так далее.

– Хороший вроде танчик... – протянул Бедный, вертя штурвальчик привода бронезаслонки. – Но тяжеленный какой... Вот же ж уроды немецкие! Нет, собирают хорошо, не спору, а вот думать хорошо не умеют.

– Твоя правда, Иваныч... – проговорил Геша, тщательно протирая спиртом нарамник перископа, чтоб немчурой не воняло. – Наши бы никогда так тупо броню не лепили – как стенки в сарае, обязательно бы под углом поставили. А таким макарком, считай, тонн десять стали точно сэкономили бы!

– Во-во! – отозвался мехвод. – И мощи как раз бы хватило. Ерунда ж получается – семьсот «лошадок», а толку нет! Мотор, бедный, ревет, перегревается... А катки? Это ж додуматься надо было – в четыре ряда выставить!

– Да это они специально так, чтобы плавность была. Тогда можно на ходу стрелять.

– Ага, мы для этого дела стабилизаторы ставим, а они – кучу катков! Ну молодцы... Вот, я на них зимой посмотрю, когда гусеницы снегом забьются! К утру это месиво льдом схватится, и «Тигра» ваша колом встанет!

– Наша «Тигра», Иваныч! – хохотнул Федотов. – Наша!

Репнин нацепил поверх пилотки большие наушники и скомандовал:

– Заводи.

– Есть!

Бедный включил стартер, и семисотсильный «майбах» зарокотал, пустил дрожь по корпусу.

– Иваныч, как договаривались. Выбираемся на трассу и прем колонной!

– Понял, тащ командир!

Развернувшись, «Тигр» пыхнул выхлопом и покатил по пыльной дороге. Восемь танков пристроились следом.

Рейд начался.

Из воспоминаний капитана Н. Орлова:

«Когда Саня Плугин таранил «Т-IV», другие немцы бросили свои танки – десять или двенадцать штук, с заведенными моторами! Когда я в них залезал, внутри даже горели лампочки освещения. Сбежали экипажи. Их дивизия только что пришла из Франции. Там она стояла на отдыхе, формировалась. Танки новенькие, чистенькие. Внутри свободно, комфортно, сказывался больший, нежели у нас, забронированный объем.

Мой механик-водитель, татарин, тоже забрался внутрь:

– Командыр! Здесь бочонки какие-то, с краником.

– Какие еще бочонки?

– Кружки висят на цепочке. Можно буду пробовать?

– Ну, попробуй...

Кричит:

– О! Вкусно-то как!

Стали разбираться: в одном – коньяк, в другом – белый ликер. Я тоже попробовал коньячку. А механик не унимается:

– Командыр, здесь еще круг!

– Какой круг? Бросай сюда!

Выбрасывает через верхний люк желтый круг размером с маленькую крышечку с дыркой в середине. Покрутили, повертели мы его и бросили, подумали – «что это за говно такое». А потом врач Цирюльников, когда уже выходили из боя:

– Коля, да ты что, это же сыр!

Она еврейка. Они жили в Городне на Украине, там с продуктами всегда лучше было. А мы-то сыров не ели ни разу в жизни. Что это за сыр такой?.. А потом приехало начальство и все это у нас отобрало...»

Глава 8

За линией фронта

Район р. Удай.

18 сентября 1943 года

Передовую «Тигры» прошли поздно вечером, когда на горячую землю, истерзанную огнем и железом, опустилась благостная тьма.

Линии фронта как таковой не существовало – немцы, отброшенные к западу, спешно окапывались, готовясь к отражению с утра атак Красной Армии. Сплошной полосы обороны еще не было создано, хваленый немецкий ордуниг пока что не осилил творившийся бардак, поэтому танковая колонна штрафников без труда проследовала в тыл.

Лишь однажды включились фары тупорылого «Опеля-Блиц». Высветили колонну «Тигров» и погасли. Свои.

А штрафники тоже не шибко прятались – врубили фары и перли себе по шоссе Ромны – Прилуки.

Задача перед 3-м корпусом стояла такая – перерезать ромненской группировке врага путь отступления на юго-запад. 3-я танковая и 2-я мотострелковая бригады двинутся именно этой дорогой, по шоссе в Прилуки.

А вот штрафникам надо было сворачивать к реке Удай – там, неподалеку от села Журавки, располагался немецкий аэродром. Он являлся первой целью танковой роты Репнина. А потом стоило наведаться и в сами Журавки.

После ночного перехода танкисты выбрались к аэродрому. Дело было перед рассветом, в сереющих сумерках. Германцы почивать изволили – спали пилоты, спали техники, даже часовые дремали.

Дорога была широкая, и «Тигры» построились в две колонны.

Дозорный на вышке встрепенулся, углядев танки, но тут же успокоился – свои же.

– Первый – Второму! – вызвал Геша Лехмана. – Бей по правому краю. Там то ли склад боеприпасов, то ли бочки с бензином. Выйдем на поле – расходимся веером. На самолеты снаряды не тратьте, давите их гусеницами!

– Есть!

Репнин пригляделся. Ворота, затянутые колючей проволокой, были закрыты. Слева виднелись какие-то здания, то ли казармы, то ли еще что.

– Заряжающий, фугасным!

– Есть фугасным! – сказал Мжавадзе, выволакивая длинный боеприпас с головной частью, окрашенной в желтый цвет. – Готово!

– Санька, давай по казарме, или что там у них. Огонь!

В снарядах для «Тигра» капсюльные втулки были заменены на электрозапальные, поэтому Федотову надо было всего лишь нажать кнопку электроспуска – ее приделали на штурвальный вертикальной наводки.

Грохнуло. Гильза из казенника зазвякала по латунному желобу, прикрытому брезентом, и выпала в короб. Завыл вентилятор, сработала продувка ствола.

Репнин глядел в прицел, не отрываясь. Снаряд вцепился в стену казармы, и та будто вспухла – крыша поднялась облаком огня, дыма и обломков, вывалилась стена.

У Лехмана рвануло куда эффектней – целью его и впрямь стал склад боеприпасов. Обычный навес, под которым были сложены авиабомбы. Множественные разрывы мигом уничтожили строение, поражая осколками вблизи стоявшие самолеты.

Наводчик Полянского влепил снаряд по складу горючего, и высокооктановый бензин жарко и весело полыхнул – бочки так и разлетались огненными клубами.

Срывая ворота, танк Репнина вырвался на летное поле.

– Иваныч, дави!

– Есть давить!

Пикировщики «Юнкерс-87» стояли ровненько, и мехвод направил «Тигр» прямо на бомберы, круша тем хвосты. Кили со свастиками, хвостовые части подминались под гусеницы.

Иные из «Юнкерсов», теряя равновесие, запрокидывались на нос, и тогда их утюжил танк Каландадзе.

– Башню влево!

– Есть башню влево!

«Тигр» наехал на «лаптежника», ломая тому крылья, повалил и раскатал.

– Командир! Зенитчики слева!

– Жора, фугасным!

– Есть фугасным! Готово!

– Санька, видишь?

– Вижу... Там наши!

– Кто?

– Судат, кажется... Судат и Кудинов!

Репнин, шепча всяческие пожелания, приник к перископу – прямо на линии огня разворачивался «Тигр» старлея Судата. Бухнул выстрел, и тут же вздыбилась земля, расшвыривая зенитки «ахт-ахт» – того же калибра пушчонки.

Артиллеристы разбегались, да не все – самый упрямый или самый безбашенный расчет возился со своей пушкой. Длинный ствол плавно опускался...

– Я – Первый! – заорал Геша. – Судат, уходи!

– Сейчас я их, гадов... – откликнулся тот.

Соседний танк – то ли Кудинова, то ли Полянского, – поспешил на помощь, разворачивая башню.

Танк Судата снова выстрелил, однако наводчик взял слишком высоко – снаряд перелетел и взорвался, подкашивая ангар.

А зенитчики в тот же момент выстрелили сами. «Тигр» находился прямо перед ними, в каких-то пятидесяти метрах. Пушка пальнула, и 88-миллиметровый снаряд вошел точно под башню.

Взрывом вышибло люки, и тут же сдетонировала боеукладка – пламя ударило, словно из гигантской конфорки, поднимая башню, смахивавшую на исполинский ковшик.

Башня запрокинулась, втыкаясь в землю дулом орудия, замерла в неустойчивом равновесии и рухнула обратно на горящий танк.

Кудинов с Полянским выстрелили дуплетом, изничтожая зенитчиков вместе с зениткой, но товарищам это уже помочь не могло.

– Зачищаем аэродром! Т-твою мать...

«Тигры» забегали по полю, как бешеные носороги. Танк Репнина помчался на «Юнкерс-88», винты которого медленно раскручивались. Надо полагать, летчики сочли себя самыми хитрыми.

– Врешь, – процедил Геша, – не уйдешь... Иваныч!

– Вижу, командир. Щас я ему заделаю «козу»...

«Тигр» с ходу протаранил бомбардировщик, невзирая на пулеметные трассы. Загрохотала броня, попадая под удар лопастей, а в следующее мгновение фюзеляж был смят и переломан, лопнула «жукоглазая» кабина. Танк Лехмана прошелся по хвосту «Юнкерса» и выстрелил на ходу фугасным.

Снаряд прошел соседний бомбардировщик и взорвался, поражая стоявший рядом.
– Экономить боеприпасы! Давить!

Репнин не смотрел на часы, но, наверное, хватило двадцати минут, чтобы передавить, изломать, раскурочить почти сотню бомбардировщиков и транспортников.

Одному «Юнкерсу» почти удалось взлететь – снаряд, догонявший самолет, взорвался рядом со взлетной полосой, на блиндаже. Бомбер резко накренило воздушной волной, крыло задело за землю, пропахивая борозду, и самолет завалился, пораженный целым роем осколков.

Пригибаясь, почти падая, пробежали немцы, человек десять, пытаясь скрыться за капониrom, откуда выглядывал автозаправщик.

– Федот, видишь «наливняк»?

– Ага! То есть так точно!

– Пулеметиком его.

– Ага!

Башня дернулась – это Федотов сгоряча нажал левую педаль. Матюгнувшись, вдавил правую – задолбил спаренный пулемет.

Очереди из 7,9-миллиметровых пуль хватило, чтобы пробить автоцистерну, а трассер сработал как зажигалка – с гулким хлопком «наливняк» раскроило, вскрыло, как консервную банку, и жидкий огонь затопил капонир. «Погрейтесь, гады!»

Словно подслушав мысли Репнина, радист сказал:

– Правильно! Они, вон, в Озерях двести с лишним человек сожгли!

– Уходим, – буркнул Геша, глянув на танк Судата. Тот уже не горел, дымил только.

В голове перевернулась зловещая считалка про десять негритят: «Девять штрафников пошли громить люфтваффе, один из них сгорел, и их осталось восемь...»

* * *

...Недели две тому назад в окрестностях Рыльска советские танкисты так отметили немецкую 273-ю пехотную дивизию, что от нее едва рота осталась – триста пятьдесят солдат. Они долго драпали, столкнулись с партизанами и наконец пополнили гарнизон Журавок.

Село было не слишком укреплено, разве что три танка «Т-IV» прятались, укрытые валами земли по башни, да пулеметчики засели на чердаках.

Журавки были второй целью отряда Репнина – здесь находился мост через Удай, и надо было не позволить немецким минерам подорвать его. Попросту говоря, следовало зачистить Журавки.

Добирались до реки двое суток – двигались ночами, а днем отсыпались, выставив дозоры. И вот он, неширокий Удай.

После гибели экипажа Судата Геша был зол, поэтому действовал резче, чем обычно, без церемоний и прочего.

– Второй, Четвертый и Пятый! Заходите от реки, от моста! Отрезайте немцев!

– Есть!

– Остальным – огонь по танкам, по чердакам! Иваныч, вперед!

– Есть!

– Жора! Фугасным!

– Есть фугасным! Готово!

Глагол «мчаться» не слишком подходил к «Т-VI», но мотор ревел, танк катился вперед, вниз по пологому склону. Хаты впереди вырисовывались вполне отчетливо, хотя до них оставалось километра полтора.

– Выбирай цели, Федот! С километра засадишь бронбойным. Видишь, где башни выглядывают?

– Вижу, командир!

– Огонь!

Бабахнуло. Осколочно-фугасный снес крышу крайней избы, в чердачном окне которой бился крестоцветный огонь пулемета. Снес вместе с пулеметчиком, со всем чердаком.

– Бронебойный!

– Есть! Готово!

– Огонь!

Попасть в башню танка – задача сложная, особенно на ходу, даже если катки в четыре ряда. Федотов промахнулся – снаряд развалил хату на втором плане. Башенка «четверки» развернулась и плюнула огнем. Неведомый и невидимый наводчик оказался метким – 75-миллиметровый снаряд угодил в корпус «Тигра». Гул пошел изрядный, но попадание особых последствий не вызвало. Короткоствольная пушка «Т-IV» пробивала броню в 59 миллиметров с четырехсот метров. Продырявить же мощный панцирь «Тигра» почти с километрового расстояния «четверка» не могла в принципе.

А вот если наоборот...

– Выстрел! – бросил Федотов, раздраженный промахом.

Второй снаряд попал точно в башню – та как раз развернулась, чтобы пальнуть по взводу Лехмана. Башню снесло.

Каландадзе поступил более затратно – сначала ударил фугасным, разметав насыпной бруствер, а после засадил бронебойным в лоб. Вышел неплохой фейерверк – башню сбросило фонтаном огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.